

18+

Андрей Горянов

Тень Феникса

Книга 1

Андрей Горянов

Тень Феникса

«Автор»

2020

Горянов А. С.

Тень Феникса / А. С. Горянов — «Автор», 2020

Первая книга цикла "Падение Феникса" повествует о последних годах жизни некогда великой империи Феникса, которая, подобно этой сказочной птице, существует циклически, умирая и возрождаясь из пепла. И история эта, рассказанная от лица молодого патриция по имени Маркус, навряд ли покажется лёгкой.

© Горянов А. С., 2020

© Автор, 2020

Пролог

В столице нет, наверное, ни единого окна, выполненного местными мастерами. Все стёкла и зеркала в Стаферос привозят из далёких пустынь юга, раскапывая руины городов погибшей некогда цивилизаций. Их привозят оттуда, где на горизонте можно увидеть стену великой тьмы. Говорят, древние строили свои города из того стекла, которым мы ныне пользуемся. Неудивительно, что наследие их было навеки похоронено в песках, ведь что, в конце концов, может противопоставить какой-то расплавленный песок доброму железу?

Антоний Струла, Жизнеописание престольного града.

Сиятельный Стаферос раскинулся, казалось, от горизонта до горизонта. Столица Шестой империи, выдерживающая натиск жадных до власти соседей уже более двух сотен лет. Древний Клемнос пал по одной простой причине: его зодчие слишком много сил вложили в красоту дворцов, великолепие парков, уют терм, обилие форумов и простор мощеных улиц. На его ошибках выросла новая столица, вместо пышности имперских шелков облачившаяся в вороненую сталь доспехов, опоясавшаяся тремя рядами могучих стен, призванных остановить любое воинство, решившее посягнуть на этот лакомый кусочек. Воды Алтума, второй по значимости судоходной реки империи, прорезавшие город на две неравные части, немного дальше разливались в огромное и глубоководное озеро, простирающееся на многие дни пути, вдоль побережья которого непрестанно курсировала боевая эскадра огненосных дромонов.

В центре города – холм, на котором расположился императорский дворцовый комплекс. Вокруг – последняя линия обороны, представляющая собой бастионы высотой тридцать футов, снабженные десятками башен-крепостей, каждая из которых сама по себе представляет внушительную угрозу для тех, кто решится осадить город. За стенами – Храмовые холмы, застроенные резиденциями самых влиятельных и богатых родов империи, блистательные соборы и парки, лучшие театры, библиотеки и арены, также огражденные от всего мира еще одной линией обороны. В низинах уютно расположились купеческие кварталы, торговые площади, дома ученых и деятелей искусства, большой Альпиев цирк и огромное количество таверн, стабул, трактиров и питейных заведений, которыми так славится это место.

Обособленно держится район фабрик и мастерских, в котором перерабатывается сырье, добываемое в провинциях, и производится абсолютно всё необходимое для благополучного существования столичного града, начиная с сандалий и позолотой для ночных горшков. Сотни и тысячи кожевников, гончаров, кузнецов, литейщиков, корзинщиков, мыловаров и еще многих и многих мастеров ежедневно создают такое количество грязи и копоти, что, не рассчитав зодчие Стафероса местную розу ветров до начала строительства городского комплекса, остальные кварталы неизбежно задохнулись бы в накрывшей их пелене черного тумана. Здесь бьётся стальное сердце империи, в горнах которого рождались лучшие мечи, щиты и доспехи для снабжения непрестанно воюющих на севере, юге, востоке и западе легионов.

Вне этого небольшого мирка, население которого составляло едва ли пятую часть всего Стафероса, обитало еще четыреста тысяч человек. Стены, их защищающие, были хотя и не так высоки, зато обладали весьма внушительной протяженностью. Еще одним крепким орешком, на который неизбежно наткнулись бы вероятные противники, стала крепость капитула ордена Антаргеса. Громада из красноватого гранита возвышается, кажется, даже над цитаделью императора и неизменно внушает благоговейный страх жителям столицы. Мало кто посвящен в тайны, спрятанные в темных подвалах замка, и оттого слухи то о хранящихся в нем несметных сокровищах ордена, то о пыточных подвалах, где денно и ночью из еретиков раскаленными прутами выжигают скверну, прочно обосновались в головах горожан. Впрочем, последнее даже было достаточно близко к истине, поскольку в своих методах святые братья себя никогда не

ограничивали, стараясь во что бы то ни стало не допустить распада некогда единой, а теперь уже изрядно поредевшей паствы бога-Феникса. Здесь же обитает Великий магистр ордена и все приближенные к нему члены малого совета, и именно отсюда во все прочие капитулы империи расходятся его высочайшие приказы и повеления.

Вот здесь, в этом городе роскоши и богатства, центре мировой торговли и дипломатии, священной столице и вотчине покровителя государства начинается история, конец которой можно найти лишь за много поприщ отсюда в далеких и холодных лесах Ауреваля. Солнце встает над империей, и начинается новый день. Далеко еще тот миг, когда стальные легионы Ахвила придут на живописные мощеные белым камнем улицы Стафероса, неся с собой огонь и смерть. Здесь цветение жизни еще только набирает свою силу, распускаясь подобно яблоневому цветению в царском саду. Но плоды ее, однако же, не сулят этому миру ничего хорошего.

Глава 1

Времена рассвета ордена давно прошли, ныне здесь всем правит одно только золото.

Некий разочаровавшийся в своём обете монах.

Я открыл глаза, уставившись в украшенный незатейливой мозаикой потолок. Сон тут же выветрился из моей головы, будто его и не было, исчез быстрее тумана под палящими лучами утреннего солнца. За всю жизнь я так и не смог выудить из своей памяти хоть что-то внятное, оставшееся от ночного отдыха, кроме неясного послевкусия или странного осадка в душе. Пытаясь удержать воспоминания, я походил на страдающего от жажды человека посреди пустыни, который старается удержать пролившуюся на песок воду: руки ощущают прикосновение влаги, но во рту всё так же сухо.

Под раскрытым окном шумят на легком ветру старые пальмы. Жесткие и острые листья их пытаются проникнуть внутрь дома в тщетной попытке скрыться от раскаленного летнего солнца. От жары я становлюсь вялым и плохо соображаю, и потому барабанный стук в дверь не сразу доходит до меня. Единственный слуга, престарелый Грев, бывший пехотинец карательного корпуса, инвалид, уволенный из рядов ордена и пристроенный на эту непыльную работу, наверняка нашел себе место где-нибудь в саду и спит в тени, напившись молодого вина. С трудом мне удалось подняться на ноги и заставить себя стоять прямо. По крайней мере, у молодости есть одно неоспоримое преимущество: лет через десять такое количество выпитого свалит меня с ног не на несколько часов, а на несколько дней. Сейчас же я чувствовал себя вполне приемлемо, если не считать спирающего грудь жара из-за окна.

Вообще-то братьям ордена строжайше запрещалось употреблять любые хмельные напитки, но у меня, как и у многих других отпрысков благородных семей, состоящих на службе в святом воинстве, имелись свои привилегии. Пожалуй, даже собственный, хоть и небольшой дом уже был тем излишеством, за которым добропорядочному верующему положены определенные санкции в загробном мире, однако в нынешние времена подобная практика стала в порядке вещей. Многие влиятельные люди пытались добраться до власти всеми возможными способами, в том числе устраивая своих детей на определенные должности в ордене. Фактически, такие как я оставались светскими братьями, и потому никакого особого контроля со стороны клириков, занимающихся насаждением среди святой братии законов божиих, конечно же, не было. И потому, накинув легкую тунику, и напившись из кувшина с неприятно теплой водой, я, мысленно проклиная ленивого Грева, неспешно спустился на первый этаж к парадному входу, куда неизвестные (или неизвестный) не прекращали ломиться.

– День добрый, кир Маркус.

На пороге стоял послушник, одетый в грубо сшитую, больше похожую на мешок, тунику, подпоясанную расшитым незамысловатыми узорами отрезом ткани. Лицо худое и изможден-

ное, глаза смотрят в пол, пытаюсь не задерживаться ни на чем дольше пары секунд. Самый распространенный тип послушников, вышедший из многочисленных беспризорников, оставшихся на улицах от последних волн беженцев с севера, разорённого войной лет десять назад.

– И тебе здравствуй, – превозмогаю недомогание, улыбнулся я, чем вызвал сильное смятение у визитера, не знающего, куда себя деть.

– Кир Трифон велел разыскать тебя и попросить срочно прибыть в капитул в его кабинет. А если... если ты, кир, по словам кира Трифона... не прибудешь так скоро, как он на это рассчитывает, то он велел передать, чтобы ты прибыл на площадь Аурена к дому кира Эммера...

Послушник так разнервничался, что мне даже стало немного жаль бедолагу. Естественно, он как мог, постарался смягчить послание не слишком скупого на выражения Трифона, однако даже в таком виде оно не предвещало ничего хорошего. Старший дознаватель был тем человеком, который, как говорится, вышел из низов, продравшись через тернии к тепленькому местечку в кабинете подальше от грязной работы. Никогда бы не подумал, что человек может быть настолько беспричинно злым и жестоким, пока не оказался под его прямой юрисдикцией, и потому сейчас моё сердце невольно ушло в пятки, как и у стоящего передо мной послушника. Впрочем, ему приходилось еще хуже: он боялся не только старшего дознавателя, но еще и представителя светского братства в моём лице. У меня, конечно, и в мыслях не было устраивать послушнику сцену за столь «раннее» пробуждение и беспокойство, но тот явно опасался худшего, привыкший к наказаниям за любой проступок.

– Хорошо, ступай. Я постараюсь не испытывать его терпение и поскорее отправлюсь в капитул.

– Боюсь, кир, тебе стоит сразу отправиться на площадь Аурена, – виновато хлопнув глазами, послушник даже отступил на полшага, – я здесь уже более часа стою, после того, как твой слуга отказался пускать меня на порог.

Я выругался в сердцах и трижды проклял тот день, когда согласился впустить в свой дом Грева. По правилам, мне не полагалось больше одного слуги, и к тому же выбирать можно было только из тех, на кого простиралось попечительство ордена, однако выбор мой, из всех прочих вариантов, оказался крайне неудачным.

– Тогда я туда и отправлюсь, – с трудом вернув лицу спокойное выражение, я захлопнул перед послушником дверь, оставив несчастного в расстроенных чувствах.

Времени у меня не оставалось, и потому тратить его на поиски нерадивого слуги я не стал. Быстро умывшись и сменив домашнюю тунику на более просторную, с золотым шитьем, опоясавшись кожаной перевязью с мечом, я вышел на улицу. Разгуливать по мостовым Стаффероса пешком не слишком приличествовало положению, но площадь Аурена, на которой находился искомый дом, находилась всего в нескольких кварталах от дома. Тратить время на сидение Хлыста, а тем более, на ожидание паланкина, в данный момент смерти подобно. Знать бы только, зачем я понадобился Трифону, больше жизни ненавидевшему опоздания. Само собой, не будь я из рода Кемман, не видать мне нынешней должности как своих ушей, и это в лучшем случае. Но даже с учетом моего положения ласковых слов от старшего дознавателя ждать не стоит.

На раскаленных улицах ни души. Редкие в этих местах деревья, казалось, пригнулись к земле, не в силах выдержать гнет небесного светила, и только ветер, горячий и вьедливый, непрестанно, но всё равно как-то лениво клевал их, будто падальщик умирающего буйвола. Мостовая исходила полуденным жаром, плавясь как олово в печи, и я будто бы чувствовал его даже сквозь толстые подошвы сандалий. За свои шестнадцать лет я еще ни разу не наблюдал такой жаркой погоды, и чувствовал себя соответствующе. Казалось, сам Антаргес решил выжечь империю до тла и превратить ее в пустыню, какую мне доводилось некогда наблюдать далеко на юге в землях халифата Солдрейна. С наступлением жары город будто замер, уснул, накрытый одеялом из спертого воздуха, скорчился подобно иссохшему мертвецу. Последние

два месяца я занимался лишь тем, что лежал на голых простынях, вечерами принимая гостей и сам изредка выбираясь на прогулки. Кроме вина в этом удушливом мире не осталось развлечений, и потому мы заливались им до самого горлышка, разбавляя его ледяной водой из подземных источников и льдом, ставшим теперь на вес золота. Жара выматывала и доводила до иступления, и даже ночью от нее не было спасения. Шумные прежде пиры превратились в собрания растянувшихся на мраморных полах тел, жаждущих лишь одного: прохлады. И потому нынешняя незапланированная прогулка вызывала во мне смешанные чувства. С одной стороны я был рад занять себя хоть чем-нибудь, но с другой – невыносимая жара и предстоящая встреча с Трифоном сказывались неприятным напряжением где-то в груди. Я был весь на взводе и чувство это, пожалуй, вовсе не было чем-то приятным.

Кир Эммер Дарбин, насколько я знал, был уполномоченным лицом и советником посла империи Ахвила, человек не слишком заметный и далеко не такой известный как сам посол. Что могло привлечь к нему людей из ордена, кроме очевидного шпионажа в пользу своего сюзерена? Впрочем, это и вовсе не было секретом, поскольку не существовало еще послов, которые бы им не занимались. Дознаватели расследовали ересь во всех ее проявлениях, в отдельных случаях – государственные и военные преступления. Широкий спектр услуг, которые наш кабинет оказывал Великому магистру, впрочем, на этом не заканчивался. Не думаю, что Дарбин попадал под какой-то из этих двух пунктов, поскольку, всем это известно, как член дипломатической миссии он молился своему пантеону богов совершенно открыто, а совершить какие бы то ни было преступления против империи на столь высоком уровне у него вряд ли бы получилось. Иные прецеденты, за которые брался кабинет дознавателей, существовали, но крайне мало, и большая их часть – мистического толка. Нечто подсказывало мне, будто сегодняшний день как раз и должен будет войти в эту категорию «иных».

Еще на подходе я заметил алые щиты ликторов ордена. Десяток стражей окружили дом достопочтимого Эммера, явно давая понять, что чужим глазам здесь не место. Облаченные в декоративные доспехи, выкрашенные в цвет, который принято было называть багряным, они больше походили на резных солдатиков из красного дерева, чем на живых людей. Я просто представить себе не мог, каково это, стоять на такой жаре в подобном обмундировании, и внутренне содрогнулся, мысленно поставив себя на их место. Стража либо не узнала меня, либо сделала вид, и потому проход к массивному крыльцу кира Дарбина оставался закрытым до тех пор, пока я не продемонстрировал этим стальным истуканам должностное кольцо на своём указательном пальце, выполненное из железа в виде свернувшегося феникса, единственный глаз которого заменял крошечный рубин. Обычные кольца, такие, как у меня, используемые для подтверждения полномочий братьев ордена, выглядели далеко не так шикарно, как у прочих выходцев из патрицианских семей, и по ним с легкостью можно было судить не только о занимаемой должности, но и о благосостоянии владельца. Знатного же брата обычно можно было увидеть и за милю, поскольку блеск его украшений мог затмить даже солнце. Я с удовольствием обменял подарок матери на простое, приличествующее моей скромной должности железное кольцо, хотя она, вероятно, считала, что положение обязывает носить только благородные металлы. Те времена, когда всего в империи можно было добиться благодаря собственному труду, и когда обычный лавровый венец служил лучшей наградой победителям, давно прошли. Ныне всем здесь правит одно лишь золото.

В просторном холле – прохлада. Обстановка дома на удивление скромная: несколько не слишком изысканных картин и статуй, почти что голые стены, обшитые панелями из красного дерева. Здесь же дежурит послушник, еще одно немое и бесправное орудие ордена, существующее на положении почти что рабском. А потому спрашивать у него что бы то ни было, не было никакого смысла, поскольку кроме приказов ему больше ничего знать не требовалось. Дальше – обширный зал, обставленный так же скромно, как и холл, двое гвардейцев и брат Экер возле массивного стеллажа с книгами, долговязый и тощий как палка. Лицо его, и без

того безобразное, изрыто оспинами и прыщами, похожее на разбитую телегами дорогу. Только два синих как небо глаза смотрят на меня внимательно из этого жуткого месива и хоть как-то сглаживают общую нелюбезную картину.

– Брат Маркус, – чистым и, я бы даже сказал, весьма приятным голосом обратился он ко мне. Голос был второй приятной чертой брата Экера. И последней.

– Я не сильно опоздал?

– Брат Трифон уже закончил здесь свои дела и отправился обратно в капитул, как и его первый помощник. Я думаю, он хочет лично доложить о случившемся магистру, но о действительных планах нашего брата мне знать недозволено.

Одной из особенностей Экера также была болезненная мания называть всех членов ордена братьями и поддерживать «благообразную» манеру разговора. Выходец из знатного рода, он, однако же, впитал мудрость Книги Антартеза подобно губке, всегда и везде неуклонно следовал описываемым в ней правилам. Второй значимой для него истиной стали Устав и «Наставления послушникам», написанные первым Великим магистром, и спустя многие века давшие богатые всходы на плодородной почве ума брата Экера. Именно за это, да и, пожалуй, за безобразное лицо, старший дознаватель ненавидел его больше всех остальных своих подопечных.

– Как давно?

– Вы разминувшись буквально на несколько минут. Брат Трифон был в большом гневе, и крайне нелестно отзывался о тебе, брат Маркус. Боюсь, произошедшие в этом доме события могли послужить причиной столь дурного расположения духа.

Его речь подсознательно раздражала меня, впрочем, как и всех остальных. При всем моем безразличном к нему отношении, находиться с ним в одной комнате дольше пяти минут казалось настоящей пыткой. Поэтому, недолго думая, я, отвергнув желание вызнаться у Экера еще какую-нибудь подробность, направился к единственным ведущим из зала дверям, охраняемым двумя гвардейцами.

– Подожди, брат Маркус! – Экер протянул мне вслед тощую руку, будто пытаюсь остановиться.

– Я должен что-то знать, прежде чем войду туда?

– Боюсь, я так и не смог пересилить себя и взглянуть на то, что там произошло, в полной мере. И потому хочу предупредить тебя, ибо увиденное...

– Хорошо, брат мой, я тебя понял.

Развернувшись, я продолжил свой путь, оставив причитающего Экера там же, где его, по всей видимости, оставил Трифон. Перебирать книги, пожалуй, не самое интересное занятие. Возможно, он питал надежду найти среди сотен томов нечто запрещенное или компрометирующее, но, скорее всего, просто отослал ненавистного ему Экера подальше от главного дела, заставив рыться в бумагах.

Когда массивные дубовые двери распахнулись передо мной, в нос мне ударил резкий и острый запах крови и выпущенных наружу внутренностей. Через разбитые окна в комнату проникал жаркий уличный воздух, отчего вонь лишь усиливалась. Тело Эммера Дарбина, а я не сомневался, что жертвой стал именно он, а не кто-то из его слуг, родственников или друзей, уже вынесли, о чем свидетельствовала огромная лужа крови и частицы раздробленного черепа в углу рядом с альковом. Спальня оказалась почти такой же большой, как и зал, но обставлена в совершенно противоположном стиле: здесь уместились сотни и даже тысячи совершенно разных вещей, по большей части, статуэток всевозможных форм и размеров. Порядок, некогда царивший здесь, оказался полностью нарушен, и почти всё вокруг превратилось в обломки. Кровь и слизь покрывали, казалось, все стены от пола до потолка таким ровным слоем, будто Эммер взорвался изнутри, а затем то, что от него осталось.. впрочем, больше ничего и не осталось. Я едва сдерживал порывы взбунтовавшегося желудка, и больших усилий требовало

удержаться от желания немедленно выбежать прочь. Выйти всё же пришлось: оторвав часть занавески и обмотавшись ею до самых глаз, я, под удивленные взгляды брата Экера, вернулся обратно.

Сложно сказать, что именно тянуло меня внутрь. Было ли это простым любопытством или мальчишеским авантюризмом, распирающим чувством близости какой-то тайны или же простой глупостью. Я мог просто отправиться в капитул и предстать пред очами Трифона, который наверняка поручил бы мне работу сродни той, что так старательно исполняет брат Экер. Мог бы просто пойти домой и заснуть в тени садовых деревьев, предварительно прогнав оттуда нерадивого Грева. Светские братья – птицы свободного полета, и по большому счету никому ничем не обязаны, кроме, конечно же, пресловутого долга перед своим родом. Род же обеспечивал карьерный рост в ордене, и никакие личные заслуги не продвинул тебя вверх по карьерной лестнице, минуя очередь из таких же знатных особ, пока не будут уплачены определенные суммы и не будет в очередной раз поделена имперская сфера влияния. Я – лишь пешка в углу игральной доски, третий сын, о фигуре которого вспоминают только когда нужно сделать ничего не значащий ход, потянуть время. Быть может, при удачном стечении обстоятельств эта пешка и сможет стать ферзем, но, как ни крути, за раз можно сходить только на одну клетку, а фигур на доске так много...

Я осторожно ступал по залитому запекшейся уже кровью полу, глазами пытаюсь зацепиться хоть за что-то, что могло бы указывать на причину всего здесь произошедшего. Никогда прежде мне не доводилось сталкиваться с обязанностями вигилов и квесторов, и потому кровавые потеки и остатки внутренностей могли сказать мне лишь одно: человек, потерявший столько крови, однозначно мертв. Кто его убил и как, а главное, что здесь забыли агенты кабинета дознавателей, для меня оставалось тайной за семью печатями. Единственное, что мне удалось обнаружить на месте преступления – разрисованный причудливыми символами, графиками и формулами пергамент шириной в две моей ладони и длиной в три. Он прилип к полу и с одной стороны был сплошь покрыт вязкой и дурно пахнущей субстанцией, но с другой, на удивление, совершенно чист. Лежал он отчего-то именно так, будто убийца нарочно оставил его на виду, сказав этим: «Посмотрите-ка на это!». Что-то знакомое проступало во всех этих четко очерченных линиях с координатами наподобие тех, что используют, вероятно, в географических картах. Нечто связанное с магией. Пропустил ли Трифон или кто-то из его людей этот клочок бумаги из чувства брезгливости, или же они нашли более подходящее доказательство тому, что здесь произошло, пока оставалось загадкой. Я аккуратно очистил листок от крови и, завернув в ткань всё той же занавески, сунул его в кошель. Быть может, это моё расследование и улика – лишь часть детской игры, а может, нечто более серьезное. Мне больше всего хотелось сделать наконец хоть что-то стоящее, а не просто выполнять мелкие поручения старшего дознавателя до тех пор, пока сам им не стану. Следовало отправиться к нему и передать эту пусть и сомнительную улику, но боязнь облажаться с каждой секундой отчего-то лишь нарастала во мне. Я еще минут сорок бродил вокруг да около, окончательно испачкав обувь и ноги в кровавой каше, на жаре превратившейся в зловонную жижу и пропитавшую, казалось, меня насквозь, но не нашел решительно ничего стоящего.

Эммер оказался заядлым коллекционером. В его маленьком по местным меркам доме всего в один этаж, оказалось собрано более пяти сотен фигурок людей в различных позах, разного пола и возраста, выполненных из всевозможных материалов, начиная с дерева и заканчивая слоновьей костью. Интересная коллекция, несомненно, достойная внимания, но сейчас было не до нее. Все бумаги и документы оказались вынесены еще до моего прихода, и потому рабочий стол Дарбина и его шкафы оказались пусты. Быть может, что-то из их содержимого прихватил и убийца, однако узнать об этом достоверно пока не представлялось возможным. Если я не хотел получить часовую лекцию от Трифона за праздное времяпрепровождение, следовало хоть немного разобраться в том, что я нашел. А выяснить это можно было одним

единственным способом: спросить человека, который предположительно в этом разбирается. Таким человеком был Альвин Малий, имперский боевой инженер, еще не окончивший своё обучение, но уже кое-что понимающий в науке, которую многие называют не иначе как волшебством. Проблема заключалась лишь в одном: чтобы добраться до места его обитания, предстояло выехать за город и, на случай, если найденный мной клочок бумаги окажется бесполезным, вернуться хотя бы к вечеру. В противном случае Трифон просто оторвет мне голову, даже не посмотрев на моё происхождение. Дело впервые приняло столь значительные обороты, и потому нечто подсказывало мне: уклоняться от указаний своего непосредственного начальника не стоило.

Университет, а точнее тот его факультет, на котором обучались боевые инженеры империи, располагался в семи милях от Стафероса. Настоящий замок, укрепленный не хуже цитадели императора, но куда более компактный. В нынешние времена дворцы утратили своё былое значение, хранилища знаний превратились в твердыни, как и всё то, что представляло хоть какую-то ценность для народов империи. Каждый патриций и каждый священник имели собственную крепость, что, несомненно, при определенных обстоятельствах могло бы послужить причиной развала государства в ходе гражданской войны. Когда для подавления восстания приходится раз за разом терять сотни легионеров у каждой захудалой крепостицы каждого самодовольного дината, решившего оспорить власть императора, через несколько поприщ можно обнаружить, что в каждом из легионов осталось людей не более чем на пару когорт. Так было раньше. Так пали Третья и Четвертая Империи. Императоры Пятой разрушили все крепости и замки, окружив страну сплошным кольцом укреплений, именуемой Стальной Цепью. Останки её, несмотря на старание местных жителей, берущих из неё материал для строительства своих домов, до сих пор можно лицезреть на любом из рубежей империи. Спустя сто семь лет пришла варварская орда из степей Келлегана и, прорвав самое слабое звено, заполнила все земли Империи, как вода заполняет кувшин. Лишенные поставок продовольствия, размазанные по огромной территории, легионы не смогли ничего противопоставить этой чудовищной силе. Но Феникс оказался куда более живучим, чем могли предполагать его враги. За всё время правления новой династии Хаири, чьи предки происходили из соседней империи Ахвила, произошло значительное укрепление государственного и общественного аппарата путем создания ордена Антаргеса, и в частности инквизиции. Религия стала не местом спасения, но карающей дланью императора. Все, кто замыслил заговор или хоть как-то представлял опасность для интересов и безопасности государства, приравнивались к еретикам, подлежащим сожжению на костре. Капитулы разрослись так густо, и так глубоко проникла шпионская сеть ордена, что превзошла все ожидания императоров, их создававших. «Огонь очистил гниющие раны», – любил говорить Мидиний Хаири. И в какой-то степени он был прав, если не считать того, что вместе с гноем этот огонь сжег и всё мясо до костей.

Проникнуть на территорию университета без пропуска или особого разрешения было невозможно без наличия собственного войска или тех познаний, что носили в своей голове преподающие здесь ученые, при условии, что вместе с этими знаниями повезло родиться и с соответствующими способностями. Но если ты сын второго Всадника, смиренный брат ордена и хороший друг одного из студентов, перед тобой могут открыться даже эти двери.

– Уже месяц о тебе ничего не слышно, кроме того, что ты устраиваешь пьяные посиделки у себя дома, заседаая со своими друзьями по военной школе, брат Маркус, – Альвин особо выделил последние слова, поскольку его отчего-то всегда забавляло подобное обращение, – а теперь вдруг решил навестить старого друга. Наверное, у тебя какое-то важное дело.

Бледное как свежевystиранная простыня лицо Альвина с темными провалами глаз, подобных колодцам, на дне которых засели раскрасневшиеся от недосыпа глаза, светилось в полумраке комнаты словно явление с того света. Я застал друга за кипой книг и изучением

чего-то отдаленно напоминающего геометрию, только невыразимо более сложную чем та, которую доводилось изучать мне.

– Ты ведь не пьешь, насколько я знаю, да к тому же последние несколько приглашений на подобные вечера остались без ответа.

– Всегда можно найти что-то более интересное, чем вино. Например, аналитическая геометрия. Настоящая магия на кончике пера.

– Если бы я приглашал людей на уроки аналитической геометрии, мой дом стали бы обходить за несколько кварталов, и даже старина Грев покинул бы меня. Но ты как всегда прав: сегодня меня привел интерес чисто практический. Я принес показать тебе кое-что, в чем ты можешь разобраться.

Я достал из кошелька сверток и, аккуратно развернув, стараясь не повредить чернила, протянул Альвину скукожившийся пергамент. Тот недоверчиво посмотрел вначале на меня, затем на мою руку, но всё-таки принял от меня пахнущий смертью листок.

– Это... прекрасно.

Вот и всё, что смог выдавить из себя Альвин после нескольких минут разглядывания формул и линий на потемневшей бумаге. В глазах его стояли слезы.

Глава 2

Когда-то давно шаманы вызывали дождь долгими плясками вокруг костра, называя это волишебством. Теперь мы зовём это наукой.

Цицерон Кальман, Третий ректор университета высоких наук Стаффероса.

– Я могу ошибаться, но то, что здесь изображено – в высшей мере совершенно. Никогда прежде мне не доводилось видеть ничего подобного.

В прежние годы, описываемые мной сейчас, Альвин очень любил строить из себя человека науки, учёного, которого интересует лишь чистое познание. Когда-то давно, еще до того как пагубное пристрастие к вину продезинфицировало его разум, он все силы направлял на изучение теоретических и прикладных наук, пытаясь понять тайны нашего бытия. В шестнадцать лет каждый из нас хоть раз задумывался над тем, как всё в этом мире устроено. Альвин же твердо вознамерился разгадать божественный замысел, и всё свободное время посвящал его изучению, благо у него имелись для этого и силы и средства, а также немалые способности, которые со временем, однако же, обернулись для него тяжким грузом.

– Ты ведь прекрасно знаешь, что для меня эти символы почти бессмысленны, – разорвал я затянувшееся молчание, – просвети меня, невежду.

– Боюсь, так сразу и не смогу тебе ответить, – виновато пожал плечами Альвин, бережно, как величайшее сокровище укладывая пергамент на стол, – могу сказать лишь, что эта схема удивительно точно учитывает все параметры среды и координаты искомого пространства. Не просто описание статически расположенного объекта, но какого-то движущегося тела. Никогда прежде не видел таких уравнений.

– И зачем это нужно?

– Математически можно описать всё что угодно. Другой вопрос, насколько это будет сложно. Могу сказать лишь, что цель всего этого – в определенной точке пространства создать избыточное давление для... ну не знаю, уничтожения какого-нибудь сооружения. По крайней мере, это вполне понятно, в отличие от всего процесса исчислений, результат которых здесь, к сожалению не изображен.

– Для того чтобы убить человека?

– Понятия не имею. Ты ведь ничего мне не рассказал о происхождении этого листка. Если и так, то это подобно тому, как использовать ювелирные инструменты для заколачивания

гвоздей. Человека можно убить и обычной острой палкой, раз уж на то пошло, а не вычислять, каким образом нужно воздействовать на материю мироздания, чтобы разорвать на части одного-единственного человека.

Значит, кто-то в самом деле разметал тело несчастного Дарбина с помощью волшебства, да простит меня Альвин за такое кощунственное название. Но не проще ли, в самом деле, было убить его обычным ножом, найти хозяина которого тысячекрат сложнее, чем того, кто оставил за собой след, подобный этому?

– Ты знаешь кого-нибудь, кто мог сделать это? – вместо ответа снова спросил я, пытаюсь удержаться на поверхности своих рассуждений.

– Боюсь, я еще не так далеко зашел в своих изысканиях. Но, думаю, людей, способных решить подобную задачу, во всем университете не так уж и мало. Это ведь кровь на обратной стороне, правда? Очень мило.

– Определенно, друг мой. Мне нужно скорее бежать и доложить обо всем Трифону. Ты даже не представляешь, какую услугу тебе довелось оказать. Предлагаю встретиться завтра в полдень где-нибудь в «Цветущей Эвридике», там я дам ответы на все интересующие тебя вопросы.

– Подожди хоть немного, – испуганно вскрикнул Альвин, – дай мне хотя бы скопировать эти формулы.

Следующие полчаса я нетерпеливо наблюдал за тем, как Альвин дрожащей от волнения рукой переписывает на чистый лист строки так заинтересовавших его уравнений и перерисовывает изображенное переплетение линий, совершенно не поддающееся никакой логике. Судя по всему, некоторые символы в них были для него не совсем понятны, а то и вовсе неизвестны, поскольку каждый из них он обводил по нескольку раз, делая какие-то одному ему понятные пометки. Когда я уже начал опасаться за здоровье друга, лицо которого сменило бледность на нездоровую синеву и покрылось крупными бисеринами пота, он, наконец, оторвался от своего занятия и отложил перо. Посмотрев на меня ничего не выражающим взглядом, Альвин вышел прочь, и, судя по быстро удаляющемуся эху шагов, отправился далеко и надолго. Свернув свою «улику» в трубочку и запихав обратно в кошель, я вышел вслед за ним, направившись в противоположную сторону. Пожалуй, такой стиль общения между нами всегда был в пределах нормы, и потому можно было обойтись без прощания.

Солнце еще висело достаточно высоко, когда я покидал стены университета, высокие и угрожающие, больше приличествующие царской сокровищнице, чем обители знаний. Впрочем, знания для многих и представляются сокровищами, в подавляющем большинстве случаев куда более ценными чем мягкое и податливое золото.

Проезжая обширные виноградники, раскинувшиеся далеко, до самого горизонта на холмах близ Стафероса, я думал лишь об одном: правильно ли я поступил, решив проявить никому не нужную инициативу. За те несколько месяцев, что прошли после окончания военной школы, пока я лениво занимался изучением правовой и социально-политической жизни ордена, не произошло ровным счетом ничего, за что мог бы взяться кабинет дознавателей. Я бы предпочел вернуться в ряды катафрактариев и добывать себе положение в военной сфере, но, по общему мнению моих учителей, а вместе с ними и семьи в лице братьев и отца, к такой службе я оказался абсолютно непригоден. «Сын Второго Всадника будет либо лучшим, либо никаким», – выразил тогда отцовскую мысль Фирмос, старший из моих братьев. Средние результаты не устраивали никого, и я отправился туда, где всё решали деньги, а не личные достижения. Здесь побеждал тот, чья задница могла просидеть на стуле дольше остальных и тот, кто делал щедрые жертвования и подарки высокопоставленным чиновникам и святым братьям ордена. «Инициатива наказуема» – не так давно заявил всем нам, младшим дознавателям, брат Трифон. Мы были помощниками главного палача ордена, но руки наши никогда не будут измараны кровью его жертв. Ровно до тех пор, пока кто-то из нас не займет место

подле него. Или вместо него. Но никто из нас, однако же, не желал этого. Если я собираюсь помочь Трифону с этим делом, если мои действия окажутся достаточно удачными, чтобы найти убийцу, это не останется незамеченным среди более высоких чинов ордена. Но вот нужно ли мне будет это внимание? В этом-то и весь вопрос.

Жара, казалось, сдавила мир огромными раскаленными клещами, скомкала его и превратила в наполненную дрожащим маревом заготовку под что-то совершенно новое. Тучные бока Хлыста, казалось, превратились в кузнечный горн и лоснились от пота. Вечно унылое выражение на его морде и вовсе растеклось по пыльной дороге недовольной лужей. Соответствуя своей кличке, он лупил хвостом по бокам, попадая и по мне, будто пытаясь согнать. Конь мой воплощал собой все пороки человеческой жизни: раскормленный, ленивый и унылый, он создавал впечатление скорее престарелой ломовой скотины, нежели верного боевого товарища. Ему было глубоко наплевать на этот мир, а в особенности на меня, которого, кажется, не замечал вовсе. Такое отношение его к моей персоне поначалу меня раздражало, но довольно быстро я осознал, что так ко мне относятся и все прочие животные. Моё присутствие, по всей видимости, вызывало в созданиях Творца какое-то глубокое чувство бессмысленности всего сущего, и чем дольше кто-то из них оставался подле меня, тем глубже в их неразумной голове это чувство укреплялось.

Оставшиеся пару миль до города я шел пешком, обливаясь потом и сплевывая в дорожную пыль песок, оседающий на губах. Когда солнце уже стало клониться к закату и ощущение давления, создаваемого раскаленным солнцем, достигло своего предела, я оказался у ворот капитула.

Этаж, занимаемый кабинетом дознавателей, находился по большей части в северной башне цитадели и представлял собой несколько больших комнат для старшего дознавателя и его ближайших помощников, огромный архив, библиотеку и общий зал, где проходили заседания кабинета. Это были, так сказать, помещения административного назначения, осуществляющего управление всеми другими отделениями в капитулах по всей империи, и работали здесь люди по большей части не замешанные в кровавых делах, составляющих основную часть дурной славы кабинета.

Поднявшись по мраморным ступеням к месту обитания Трифона, я замер в нерешительности у двери, от души надеясь на то, что внутри будет еще хоть кто-нибудь помимо него. В присутствии посторонних людей старший дознаватель отчего-то не решался терзать своих жертв со всей присущей ему жестокостью, и можно было рассчитывать на снисходительный прием. Но удача на этот раз изменила мне.

– Кажется, я велел тебе явиться еще утром? – обманчиво спокойным голосом поинтересовался у меня Трифон. Скорее утвердительно, чем вопросительно.

Он сидел за своим письменным столом и увлеченно что-то записывал на раскрытом перед ним свитке. Внешность его могла ввести в заблуждение любого, поскольку ни на йоту не отражала внутреннее содержание. Так мог бы выглядеть добродушный монах или учитель речи: полный, с увесистыми щеками и большими широко раскрытыми глазами неопределенного цвета, лысоватый и крупноносый. Не было в нем ни одной резкой черты, а одни лишь округлости, какие могли быть присущи человеку мягкому и незлобивому. Носил он всегда одну и ту же белую мантию, скрывающую его объемные тела, безукоризненно чистую в любое время года и расшитую золотом шапку, скрывающую склонную к ослепительному блеску лысину. Со стороны могло показаться, что человек этот едва ли не святой, и только при близком знакомстве Трифон выдавал в себе скорее демона, скрывающегося за благообразной личиной.

– Я пока что смог придумать лишь одну причину, по которой ты не выполнил моё распоряжение: послушник, которого я послал, плохо тебя искал или вовсе отправился в трактир пропустить кружечку-другую. В таком случае, его ожидает наказание плетьюми и строгая епи-

тимья. Так это или есть какая-то иная причина, столь важная, что ты решил поступить по-своему?

Обычно, чем тише он говорил, тем больше было его недовольство. Слова, обращенные ко мне, Трифон произнес почти шепотом, и я решил сразу же выложить все имеющиеся у меня козыри, дабы попытаться хоть как-то от него откупиться.

– Я был на месте преступления, кир, – как можно более вежливо ответил я, останавливаясь рядом с креслом у стола Трифона, – и более того, нашел улику, происхождение которой отправился проверить к одному доверенному лицу...

– Скажи мне одно Маркус: как, по-твоему, поступят с триарием, если во время атаки вражеской кавалерии он решит отойти по своим делам, поразмыслив, и придя к выводу, что его копье больше пригодится на левом фланге, чем на правом?

– Я думаю, его будет ждать трибунал.

– Вот видишь, вполне очевидная мысль.

Я поспешно достал из кошеля свой заветный клочок пергамента и положил его на стол перед старшим дознавателем. В глазах его, однако же, не отразилось ничего, что могло бы мне понравиться.

– Молодец, Маркус. Это девятый клочок бумаги из тех, что были обнаружены в доме помощника посла.

– Это схема для заклинания, с помощью которого убили Дарбина. Если листков всего девять, что же содержится на остальных восьми?

– Я прекрасно осведомлен, для чего использовался этот клочок бумаги. А во-вторых, не твоего ума дело, что было на остальных уликах.

– Но...

– От всей души надеюсь, что тебе понравилось играть роль вигила, пытающегося дознаться, кто же убил жену сапожника. Если бы ты прибыл всего на десять минут раньше, разгадать эту загадку тебе помог бы сам кир Руфин, придворный инженер его императорского величества.

«Инициатива наказуема» – то ли наяву, то ли в моей голове пронеслись эти слова, о которых мне довелось вспомнить на подъезде к Стаферосу. Голова моя медленно стала опускаться вниз, и прежняя уверенность в собственных силах растворилась без следа.

– Убийство Дарбина – не очередное дело об оскорблении святого слова Антартеса, не сговор группы мелких патрициев и даже не шпионаж ахвилейцев. Если Эммер был убит инженером или с его помощью, у нас большие проблемы. Ты понимаешь, насколько всё это серьезно?

Конечно же, я понимал, но в этот момент, пожалуй, все мои мысли оказались устремлены куда-то далеко на восток, в загадочные и полные мрачных тайн места, где, согласно преданиям, жили различные мистические существа. Такова уж особенность моего мировосприятия: когда разум мой понимает, что потерпел неудачу, он уносит меня туда, где я не буду чувствовать те неприятные ощущения, этой неудаче присущие. Я отчетливо слышал каждое слово, произнесенное Трифоном, но все же пребывал не здесь, уже пытаюсь придумать для себя план дальнейших действий, которые могли бы хоть немного сгладить мою оплошность.

– Надеюсь, к завтрашнему дню писцы закончат копировать все документы, найденные в доме Дарбина, и у тебя появится отличная возможность принять участие в общем деле. Тебе надлежит составить каталог и привести в порядок каждую записку и каждое письмо, написанное рукой покойного. Установи, с кем, когда и сколько раз он переписывался, с кем контактировал и назначал встречи. Всё от и до. Брат Экер уже занимается этим делом, так что всю недостающую информацию узнавай у него.

Иными словами, мне предстояло провести несколько недель сидя за перечитыванием сотен и тысяч бумажек. Дело, безусловно, достойное младшего дознавателя. Трифон даже не удостоил меня более подробными инструкциями и четкими целями, отправив к Экеру, кото-

рый, по всей видимости, эти инструкции получил в более чем полном размере. Зная дотошность наставника, объем работ должен быть колоссальным. Наверное, стоило почувствовать разочарование, приправленное толикой душевной пустоты и серой грусти, но разум покорно оградил меня от всего этого, предоставив взамен картину куда более привлекательную. Впереди была еще целая ночь и, вероятно, день, которые можно потратить на что-нибудь приятное. А потом, если повезет, Трифон забудет обо мне и Экере, с головой уйдя в расследование возможной ереси, и даже не вспомнит о порученной нам работе. А к тому времени как мое имя снова всплывет в его лысой голове, Экер и сам управиться со всеми этими каталогами, письмами и бумагами, толку в которых почти никакого.

В то время я был убежден, что подобное убийство не раскрыть возней с бумагами, поскольку они просто-напросто недостойны всего грандиозного замысла, скрывающегося за спиной убийцы, и для поиска его нужно нечто действительно экстраординарное. Наверное, прислушайся я к словам Трифона, события приняли бы совсем иной оборот. Когда тебе шестнадцать, в душе еще горит страстное пламя и невозможно разглядеть пользу в мелочах. Но иногда такой подход всё же помогает разглядеть целое до того, как маленькие кусочки сложатся во что-то определенное.

«Цветущая Эвридика» была тем местом, где в дореформенные времена находилось подпольное питейное заведение. Официально – ассамблея свободных поэтов и прочих деятелей искусства, которым не брезговали и высокопоставленные лица столицы. На деле же обширные катакомбы, находящиеся под ее зданием, вмещали в себя винные погреба и тех, кто, несмотря на наставления церковных братьев, находил свою собственную истину в вине. Теперь «Эвридика», конечно же, утратила свой подпольный статус, но в недрах ее всё также можно было найти любые виды удовольствий, не слишком распространенные в прочих заведениях подобного типа. В глубоких подвалах «Эвридики» пили настойки дурмана, курили гашиш и «листья счастья», здесь же располагался один из крупнейших лупанариев Стафероса. И, само собой, предназначалось это заведение только для очень богатых людей.

Еще какую-то четверть века назад весь алкоголь, как и табак, были запрещены по всей территории империи. Инквизиция жила и процветала, как процветала, впрочем, и подпольная торговля, ориентированная, как ни парадоксально, и на церковных служителей и иже с ними, в то время еще только ступивших на скользкую дорожку «истинной праведности», как это сейчас принято называть. Доктрины церкви и ордена переписывались не раз, и двадцать пять лет назад Иоганн Шестой, признанный после смерти святым, в последний раз внес свои правки, навсегда поставив точку в истории отношений церкви и ордена с мирской властью. Тем самым, в итоге, он подписал смертный приговор тому образу ордена, какой он задумывался отцами-основателями. Орден поменял свои приоритеты с морально-нравственного и социально-правового на карательный, став неким извращенным видом военного братства. Ересь в ее прежнем варианте, устарела: инакомыслящих, таких, как последователи идеи Темного Отца, почти перестали преследовать, поскольку их существование никак не вредило жизни империи. Теперь всю свою мощь аппарат инквизиции направил на выявление внутренних и внешних врагов, борьбу неверными. Обусловлено всё это было одним-единственным фактом: затраты на содержание штата инквизиторов, боевых братьев, дознавателей и шпионов в какой-то момент достигли астрономических размеров, тотальный контроль за блюдением законов божиих перешел все мыслимые и немыслимые границы, поставив под сомнение даже власть императора. Всё шло к тому, что вскоре на место императора встал бы теократ, голос и длань Антартеза. Само собой, никого, кроме самих иерархов ордена это не устраивало, и Великому магистру, к счастью, человеку благоразумному, дабы избежать гражданской войны, пришлось поступиться некоторыми догмами, определяющими жизнь ордена без малого целое столетие со времен становления Шестой империи. Мало кто знает, но большую часть иерархов, выступавших за прежний

курс развития, в конечном итоге быстро и тихо устранили, дабы не вызвать широкой огласки. Гонения на остатки теократической группировки впоследствии длились без малого три года, и постепенно штат ордена по сравнению с былыми временами уменьшился на половину, а влияние и вовсе на три четверти.

Мне, как человеку непосвященному, так и не удалось вызнать, что сделал Иоганн, и как именно была проведена реформа, но бытует мнение, будто Великий магистр без малого внес свои правки прямо в Книгу Антартеса, навсегда закрыв дорогу ордену и святой церкви к императорскому трону и светской власти. Все сведения касательно реформы Иоганна засекретили, а всем, кто не был причащен к ним, оставалось только пожинать плоды деятельности Великого магистра, мгновенно превратившие строгую нравственность в буйное процветание оргий времен первых империй.

Всю ночь я провел без сна, тщетно пытаюсь забыться, но к рассвету бросил это бесполезное занятие. Мне не хотелось никуда идти, особенно в полуденную жару, расплавившую мостовые Стафероса, но разговор с Альвином должен был привести мои мозги в порядок, и я чувствовал, что именно это мне необходимо больше всего. Никто из моих друзей и приятелей не обладал подобным складом ума, и никто больше не мог дать мне действительно дельного совета касательно сложившейся ситуации. Я сам не знал, чего хочу от всей истории с убийством Дарбина и от жизни в целом. Альвин, как ни странно, знал. В отличие от тех моих соратников по военной школе, кто всегда предпочитал веселье тяжелым умственным упражнениям, он никогда не тратил время на пустые разговоры, и в этом я чувствовал с ним своё родство, пусть у меня эта черта и не доходила до того абсурда, в который скатывался временами Альвин. Я с трудом смог найти в себе силы отклонить предложение Домнина и всей его шумной компании о поездке на охоту в Южную рощу. Каждый из этой компании был если не готовым воином, которые с года на год ждали своего направления в действующие силы легионов, то, как минимум, удачным вложением сил и средств их родителей. За те годы, что мои наставники обучали меня мастерству войны, я неплохо выучился лишь дуэльной схватке и совершенно не чувствовал строя, постоянно выбиваясь на своем впадающем в уныние Хлысте из монолита имперских катафрактариев. Тем не менее, бывшие мои товарищи относились ко мне хорошо и прежде я никогда не чувствовал себя так одиноко, до тех пор, пока не оказался в рядах ордена. Здесь, наверное, каждый чувствовал себя именно так, и даже Феникс не пробуждал в душе святого брата хоть какие-то теплые чувства.

Альвин ждал меня на террасе около небольшого пруда, окаймленного аккуратным и изысканным садом, в такое жаркое время дарующего спасительную прохладу. Он никогда не терял времени понапрасну, и в ожидании сидел с какой-то небольшой книжкой в руках, сосредоточенно изучая ее содержимое.

– Никогда не понимал, чем тебе нравится это место, – вместо приветствия, Альвин лишь окинул меня неодобрительным взглядом, – но сегодня, кажется, подошел к разгадке этого вопроса вплотную.

– И что же ты придумал?

– Здесь можно найти отражение самой сути святой братии, их истинных лиц, скрывающихся за масками. Потому что именно сюда они приводят своих демонов, отдыхать. Достаточно только спуститься с террасы и попросить распорядителя показать двум благородным господам что-нибудь необычное и интересное. Быть может, где-то там можно встретить и самого Великого магистра?

– Возможно, ты отчасти прав. Но в чем смысл сидеть здесь и воображать, будто где-то в недрах «Эвридики» кто-то из членов совета или иерархов церкви предается сладострастию или дурману?

– Чтобы, сидя на террасе, чувствовать себя выше их, это же очевидно. Какое приятное ощущение, не находишь? Ты, не присягавший Фениксу, здесь, неспешно пьешь вино и бесе-

дуешь, и сам Антаргес не сможет уличить тебя в непристойности. А они, кто давал священную клятву, предаются греху в темноте под землей, как будто уже в обители вечных страданий.

– Мне кажется, будто ты пытаешься пришить мне свои собственные мысли. Я вовсе не нахожу удовольствия в этом нравственном возвышении, напротив, есть у меня тайное желание спуститься туда самому.

В это время подошла служанка, которую в любом другом месте можно было бы принять за патрицианку из не самой бедной семьи: так богато выглядели ее одежды, что неудивительно для «Эвридики». Я заказал вино, Альвин, как ни странно, то же самое, хотя обычно предпочитал пить простую воду со льдом.

– Я всё еще очень хочу услышать историю происхождения той схемы, что ты мне подсунул, – отпив разбавленного ледяной водой вина, Альвин уставился на меня, давая понять, что весьма в этом заинтересован и не намерен отступить, пока не вытянет из меня всю информацию до последней капли.

Я коротко рассказал о вчерашнем дне, не забыв упомянуть Трифона нехорошим словом. Само собой, я и сам почти ничего не знал, поскольку меня никто не удосужился посвятить в подробности.

– Дом этого Дарбина находится в черте городских стен? – выслушав мой короткий доклад, спросил Альвин.

– В нескольких кварталах от моего обиталища, площадь Аурена.

– Тогда эта схема к нему совершенно не относится.

– В каком смысле?

– Я проверил указанные координаты и из любопытства нашел на карте нужное место. Оно находится в нескольких милях к югу от Стафероса в районе заброшенного форта.

– Тогда ничего удивительного, Трифон говорил, что найденный мной листок – девятый по счёту. Интересно, в ордене уже успели расшифровать эти цифры и отправить людей на остальные места убийств? И зачем тогда убийце разбрасывать такие улики прямо на месте преступления?

– Провокация, предупреждение, попытка запугать изощренными математическими изысканиями – выбирай, что душе угодно. Если эти расчеты были выброшены напоказ, наверное, тот, кто их составил, хотел оставить за собой отчетливый след или же запутать своей прямотой.

Воцарилось задумчивое молчание, нарушаемое лишь пением одинокой птицы где-то в густых кронах старых олив внутреннего сада. Какое-то непродолжительное время я чувствовал себя невероятно глупо, ввязываясь в то, о чем меня никто не просил, и в чем я не смыслил, опираясь на один лишь азарт. Наверняка в кабинете давно уже установили каждое из девяти мест и поняли что к чему, однако во мне буквально клокотало желание отправиться туда самому.

– А что если я выкраду оставшиеся улики? – выдал я то, чего сам не ожидал.

Судя по округлившимся глазам Альвина, идея показалась ему не самой удачной, однако ответить он не успел, поскольку в поле моего зрения очутилась массивная фигура Домнина, несомненно, направляющегося в нашу сторону. Облаченный в некое подобие легких кожаных доспехов, походивших на охотничий костюм, мой старый друг и теперь уже бывший боевой товарищ создавал впечатление скорее лесника, чем выходца из славного дома Аманатидис, представителя молодой знати империи.

– Опять вы тут прохлаждаетесь, – густым, под стать росту басом пророкотал Домнин.

Высокий, почти шести с половиной футов ростом, крепкого телосложения и с густой бородой, Домнин совсем не походил на юношу, которому едва исполнилось семнадцать. Сейчас я даже не вспомню тот момент, когда тощий и нескладный прежде мальчишка превратился в могучего воина. Природные данные позволили ему безо всякого труда добиться высоких результатов во всем, что касается военного искусства и добиться расположения всех без

исключения учителей школы. Пожалуй, единственной его чертой, нарушающей образ народного героя в сверкающих доспехах, которую можно было узнать лишь при более близком знакомстве, была ничем не мотивированная мизантропия. Его ненависть к людям была совсем не похожа на юношескую игру, которая на проверку могла оказаться всего лишь способом выделиться из толпы себе подобных. Ненавидел он совершенно искренне, и, если бы не здравый смысл, Домнин уже успел бы натворить такого, что от казни его не смогли бы спасти и всего его знатные родственники. При мне он трижды покушался на жизнь собственных слуг, один раз лишь из-за того, что тот разбил блюдо с рыбой. За жизнь рабов, впрочем, ему ничего не грозило, и лишь мои слова, на удивление, смогли образумить тогда разбушевавшегося гиганта. Я видел, как, временами, во время учебных схваток, он с трудом сдерживается, чтобы не проломить своему сопернику череп, видел, какая гамма чувств отражается на его лице каждый раз, когда появляется возможность нанести смертельный удар. При всем при этом, его инстинкты убийцы никогда не распространялись дальше человеческого вида: Домнин отчего-то любил всех тварей земных, кроме тех, что были созданы с двумя ногами. Пока, к счастью, ненависть его проявлялась в основном на словах, и любимым занятием его, когда выпитое ударяло в голову, было поливание грязью всех, к кому он не питал дружеских чувств. И дружеские чувства эти почему-то никогда не вступали в противоречие с мизантропией.

– Мы обсуждаем важные государственные дела, великан, слишком высокие даже для твоего роста, – не удержался от издевки Альвин.

Сложно сказать, какие взаимоотношения установились между этими двумя, но при внешней враждебности они, казалось, вполне устраивали друг друга. В конце концов, не так уж и часто им приходилось пересекаться друг с другом: слишком разного полёта птицы, что в плане сферы их деятельности, что в их происхождении. Мать Домнина – дальняя родственница императора, но род их далеко не такой древний, как у тех, кто ведет своё начало от первых Эквитов и восходит к временам более поздних империй, в то время как родственники Альвина происходят от самих отцов-основателей, заложивших Аррай – первую столицу, простоявшую без малого полторы тысячи лет, у которых прав на трон гораздо больше, чем у нынешней правящей династии.

– Не думаю, что такие как ты имеют доступ куда-то еще, помимо университетской библиотеки, не говоря уже о государственных тайнах. Впрочем, я буду не против, если вы посвятите меня в свои маленькие тайны.

Я смерил Домнина долгим ничего не выражающим взглядом, раздумывая над тем, насколько можно расширить круг ознакомленных с убийствами лиц, и не нашел ничего, что могло бы заставить меня молчать. Он был из тех, кто всегда стремится вызнать как можно больше у других, при этом не расставаясь с собственной информацией, и временами разговор с ним напоминал допрос. Можно было не сомневаться: ни единое слово не выскользнет наружу и не достигнет ненужных ушей.

– Скажи мне, у тебя с собой твоя копия схемы? – обратился я наконец к застывшему с бокалом в руке Альвину.

– Ты серьезно думаешь, будто эта гора мяса сможет найти в ней какой-то смысл?

– Не будь таким злым, это не пристало добропорядочному учёному. В конце концов, ты ведь сам говорил о необходимости просвещения тех, кто утопает во тьме.

– Я не могу обучить его дифференциальному исчислению и координатному методу на коленке, ты и сам в этом ничего не понимаешь!

– Быть может, закончишь разговаривать так, будто меня здесь нет? – не выдержал Домнин, усаживаясь посредине стола и жестом подзывая служанку.

Я обреченно вздохнул, и вновь изложил свою короткую историю, добавив к ней только пояснения Альвина касательно найденной на месте преступления улике. Почесав густую бороду, подходящую скорее для образа какого-нибудь древнеимперского гоплита, нежели для

солдата современного легиона, Домнин откинулся в своём плетеном кресле, даже оставив на время чашу с вином.

– Вы двое, никак, собрались поиграть в вигилов?

– Почти то же самое сказал мне вчера Альвин.

– И всё же?

– Разве твое сердце не задевает эта мрачная тайна? Какой-то безумный боевой маг убивает девятерых человек, один из которых – советник посла ахвилейцев, раскидывает свои бумажки, с помощью которых он идеально точно рассчитал каждое из этих убийств, и бесследно исчезает. Если у меня получится раздобыть восемь остальных листов...

– Ты предлагаешь украсть у ордена главные улики и самому заняться расследованием этого дела? Не слишком ли много ты взваливаешь на себя ответственности? Девять мёртвых тел – это, конечно, хорошо, но ты не боишься стать десятым? Ты ведь всего лишь младший дознаватель, не смотря на то, что Кемман. Вряд ли кто-то из твоих «братьев» придет в восторг от подобной инициативы.

– В этом ты, конечно, прав. Но есть одна причина, заставляющая меня этим заниматься.

– Только не говори, что хочешь сделать это только назло Трифону, – опередил меня Альвин.

– Именно так.

На самом деле, я и сам не знал, зачем затеял всё это, поскольку действовал на одном только энтузиазме, отбросив в сторону всякое здравомыслие. Мне не хотелось сидеть за бумагами ближайшие лет десять, до тех пор, пока золото и связи не вытолкнут меня на ступень повыше. Я жаждал действия, и единственной возможностью проявить себя в тот момент видел именно это несчастное расследование.

– Старик определил меня на работу переписчика, но копаться в бумагах покойного советника мне не очень-то охота. Поэтому для начала предлагаю отправиться в место, отмеченное координатами на схеме. Крепостица, которая, кажется, назывался Гнездом горного орла, я прав?

– Какое напыщенное название. Насколько я знаю, настоящих гор и, тем более, горных орлов в окрестностях Стафероса никогда и не бывало.

Альвин неохотно кивнул и демонстративно отхлебнул еще вина, всем своим видом показывая, насколько недоволен предпринятой мною авантюрой. Хотя, как бы он ни старался, я знал наверняка: мне удалось разжечь в нем ту самую искру энтузиазма, которая затем превратится в пожар.

Домнин же, напротив, высказал своё одобрение. Он всегда выступал за любые смелые начинания, сколь глупы бы они ни были, и по его довольной полуулыбке, скрывающейся где-то в дёбрах густой черной бороды, я понял, что вполне заручился его поддержкой. Ему все равно ближайшие пару месяцев не оставалось ничего другого, кроме как страдать бездельем, поскольку до отправки в легион он оказался предоставлен самому себе, а военный склад характера никак не позволял вкушать светские блага и удовольствия, которые мог предоставить каждому свободному гражданину империи многогранный Стаферос.

– Завтра на рассвете жду вас у Близнецов, господа. Сегодня же мне предстоит попытка завербовать в нашу маленькую компанию еще одного человека, а также выведать у него все подробности, которые могут помочь делу. Вы, конечно же, не знакомы с братом Экером, да и, наверное, этому знакомству рады не будете, но без его помощи, увы, никак не обойтись.

– Мне стоит подготовиться к какой-нибудь неожиданной встрече, или ты можешь гарантировать нам полную безопасность в этом деле? – задумчиво разглядывая формы служанки, отчетливо проглядывающие под почти прозрачной туникой, Домнин, казалось, обращался скорее к ней, чем ко мне.

– Не могу дать тебе никаких гарантий. Но вряд ли мы сможем найти в этом форте что-нибудь, кроме останков убитого или же его следов, если Трифон уже успел послать туда людей. Нам, скорее, понадобится осторожность, чем грубая сила, поэтому панцирный доспех можешь оставить в оружейной.

– В таком случае, рад был повидаться, друзья мои. Мне пора.

– В такую жару лучше места не найти, – вяло отозвался Домнин, – точно не хочешь посидеть еще?

– Думаю, ты тут прекрасно и без меня обойдешься. Ты тоже не спешишь покинуть эту колыбель разврата? – вопрос предназначался уже Альвину, хмуро наблюдающим за той же служанкой.

В его взгляде не было той плохо сдерживаемой похотливости, присущей Домнину, но намерения и у того и у другого угадывались одинаково просто.

– Иногда, чтобы познать эффективно, нужно как следует расслабиться.

Альвин, пожалуй, мог сломать все стереотипы о человеке, одержимом идеей высшего познания. Он определенно не был ни гением, ни даже просто одаренным человеком, в чем мне не раз представлялась возможность убедиться. Мне всегда казалось, будто таким образом он пытается заполнить внутреннюю пустоту или, я бы даже сказал, в какой-то мере хочет избавить свои мысли от какого-то страха. Он не терпел безделья, но с радостью принимал любое предложение об отдыхе и развлечении. В отличие от переполненной жизнью Домнина, тратящего себя направо и налево, Альвин по крупницам эту жизнь собирал, пытаясь наполнить собственную бездну, уместающуюся в глубине его глаз-колодцев, удивительно смотрящихся на таком молодом лице. В этот раз внутренний голод виден был так отчетливо, что любой другой на моем месте наверняка испугался бы за его душевное состояние. Я же, однако, был к этому привычен, и потому, не став более задерживаться, распрощавшись, поспешил удалиться. Пустота жаждала насыщения, и, хотя никогда не смогла бы себя заполнить, ни за что не сдавалась. А кто же я такой, чтобы ей мешать?

Раскаленная улица встретила меня удушливым жаром. Несмотря на старания слуг, постоянно обливающих мостовую водой, мелкая и острая пыль, похожая на пустынный песок забивалась в глаза и нос, и скрыться от жаркого ветра никак не представлялось возможным. Я брел по узеньким улочкам, знакомым с детства и, в какой-то мере, выросших вместе со мной. Столица едва успела отпраздновать свой сто десятый день рождения, что по меркам того же Клемноса казалось почти мгновением. Что уж говорить об Аррае, первой столице империи, простоявшей более трех тысяч лет.

Я прошел пешком всю улицу Святого Деметрия, на которой располагалась «Эвридика», и которая заканчивалась форумом Цереры. На этой небольшой торговой площади, в это время обычно переполненной народом, на этот раз почти никого не было. Несколько вигилов, примостившись в тени массивного здания торгового дома Карпини, несколько торговцев со своими лотками в тени дуба, растущего посреди площади. И больше никого. Некоторое время я стоял, разглядывая эту сонную картину, не совсем понимая, зачем же я тут оказался, но затем сообразил. Если не повернуть сейчас направо в сторону садов Аурелиана по направлению к капитулу, я окажусь в тупике маленького торгового квартала с несколькими оптовыми магазинами, образующими почти глухой дворик. В центре – старый пересохший фонтан, установленный, судя по его внешнему виду, еще до того, как на этих холмах начал разрастаться нынешний Стаферос. А в старом каменном доме на три этажа, на каждом из которых проживало по несколько семей, когда-то обитала и та, кому в те юные годы принадлежало моё горячее юное сердце.

Ее звали Корделией, совсем не так, как сейчас принято называть детей в незнатных семьях, на манер Пятой или Четвертой Империй. Она была юна, красива и обворожительна, как обычно говорят мужчины про тех, к кому испытывают вожделение. Она была душой этого маленького мира в конце улицы за торговой площадью, светлой идеей самой любви, какая

обычно возникает в душе молодых людей, впервые ее ощутивших. Более того, она полностью соответствовала своему имени, по крайней мере, по отношению ко мне. Судьба выделила нам всего четыре месяца, четыре месяца, в течение которых я протаптывал собственную тропу в этот глухой дворик к дому, где всегда было много счастья и много смеха. Ровно до тех пор, пока половину города не выкосила чума.

Случилось это два года назад в один из таких же жарких летних дней, когда торговля в городе обычно в самом разгаре. В столицу прибыл корабль, откуда именно, теперь уже не узнать, привезший на своем борту саму смерть. Отец, едва всё только началось, запер нас с братьями в поместье, вместе с тремя десятками личных телохранителей и слуг, из которых, в конце концов, в живых осталось только трое. Стаферос впал в панику, начались погромы, грабежи и убийства, всегда присущие подобным явлениям, хаос правил бал на его прямых как стрелы ангелов улицах. В той суматохе чумной эпидемии мы потеряли друг друга, и я так и не узнал, смогла ли Корделия спастись, или же рука Темного Отца настигла ее на какой-нибудь безымянной лесной тропе, явившись в виде егерской стрелы. Надеждам, само собой, не удалось оправдаться. В этом доме, когда я пришел в него после конца морового поветрия, оставалась одна лишь беззубая старуха – прабабушка Корделии, старая, как сам мир и, по иронии судьбы, единственная, кого не тронула болезнь. С ее слов я понял лишь, что возлюбленная моя вместе с оставшимися в живых членами семьи покинула город, не смотря на выставленные на всех дорогах чумные кордоны. Никому тогда не было дела до поиска пропавших, а сам я был до того испуган случившимся, что смог рассказать об этом матери только через несколько месяцев, хотел попросить помощи, нанять людей для поисков, сделать хоть что-то. Само собой, мои юные чувства не вызвали ни у кого и капли сопереживания. «Она мертва, смиришься с этим и живи дальше. У тебя будет еще тысяча возможностей запрыгнуть в постель к какой-нибудь простолюдинке, постарайся только не наплодить ей бастардов» – вот и все слова утешения, что я тогда услышал от своей матери. Пожалуй, я и сам постепенно стал оправдывать себя именно этой фразой. «Ты еще совсем молод для подобных чувств». Старший брат, Фирмос, женился в четырнадцать, женился на одиннадцатилетней девчонке, а через два года она родила ему наследника. Я же в глазах матери всегда оставался кем-то вроде дорогой и очень похожей на настоящего ребенка куклы, которую можно любить и оберегать, но которая, тем не менее, на самом деле лишь имитация жизни. Ее можно поставить на полку и временами любоваться на кружевное платье из атолийского шелка, на глаза, выполненные из цельного аквамарина и на расшитые золотом башмачки. Чудо, что эта кукла умеет разговаривать, наверняка в ней упрятан какой-нибудь хитроумный механизм. Но настоящих чувств он испытывать не может, лишь те, которые ему присваивает тот, кто с ней играет, не более. Через два месяца я нашел общую могилу и священника, у которого оказался список с именами тех, кто в этой могиле был похоронен, среди которых затесалось и имя моей возлюбленной. На этом история и закончилась.

Я закрыл глаза, пытаюсь отогнать наваждение, но от того еще сильнее погрузился в собственные воспоминания и чувства, грозящие обернуться настоящей бурей. Сердце колотилось как бешеное, и туника уже насквозь пропиталась потом. Так случалось всегда, когда я вспоминал о Корделии. Резкое и пронзающее насквозь чувство потери никуда не делось за эти годы, не ослабло, и всё так же остро чувствовалось теперь, стоило лишь на мгновение приподнять ее образ над пучиной воспоминаний.

– Молодой господин, не будете ли вы так добры подать монетку?

Я настолько погрузился в себя, что даже не заметил, как ко мне подобрался местный нищий, старик с одной ногой и морщинистым загоревшим до черноты лицом. Нет, то был не старик. Время наложило на его лицо свой отпечаток, но куда больше над ним постаралась сама жизнь. Он не узнал меня, зато я узнал его: торговец книгами из дома Корделии, у которого я иногда покупал что-нибудь из любовной лирики: сочинения Плавта или Акрония, поэмы в стихах, дошедшие до нас через века после смерти их авторов. У меня была превосходная

память на лица, но я никогда не запоминал имена их обладателей. Человеку, стоящему передо мной было не больше тридцати пяти, но в лохмотьях и под слоем грязи он выглядел на все шестьдесят. Видимо, теперь он обитал где-то здесь же, окончательно разорившись и опустившись на самое дно.

– До срока мир его сгубил, и на лице его прекрасном оставил след тех лет, что он провел во тьме подземной, – процитировал я одно из сочинений Плавта, некогда преподнесенное мне тем стариком, что сейчас стоял передо мной, опираясь на костыли.

– Когда-то я слышал эти слова. Мне кажется, их произнес я сам, но никак не могу припомнить, к кому они были обращены. Твоё лицо мне будто бы смутно знакомо...

Сам не понимая, что делаю, я отвязал от пояса кошелек и отдал его онемевшему от удивления старику. Золота там было более чем достаточно, почти моё жалование, на которое я мог бы отлично жить еще пару недель, ни в чем себе не отказывая. Возможно, так я хотел откупиться от прошлого, настырно возвращающегося ко мне раз за разом, но, так или иначе, это были все мои деньги на этот месяц. Развернувшись, я пошел прочь, не оглядываясь, и с трудом сдерживая подступивший к горлу комок. Многие говорят, что прошлое должно быть похоронено и забыто, что было, то было. Но всю жизнь я только и делал, что собирал его в себе, бережно храня каждый момент моего бытия, каждую частицу каждого чувства и каждой мысли. В шестнадцать лет я был подобен старику на склоне своих лет, прикованному к постели, единственное сокровище которого – минувшие дни, его жизнь, проходящая перед внутренним взором. Однажды эта моя особенность спасёт меня от неминуемой смерти, не даст исчезнуть в пламени, подобно тому, как исчезает в нем листок, на котором начертана вся жизнь человеческая. Я покинул пустынный форум и устремился к капитулу, не ощущая более ни жара стоящего в зените солнца, ни пыли, забивающейся в глаза. Казалось, я чувствовал лишь взгляд ее зеленых глаз, встречавших меня прежде в этом месте. Конечно же, лишь иллюзия, разбухшая вновь открывшейся раной, но в тот момент я всё бы отдал, чтобы она превратилась в реальность.

Глава 3

Тот, кто вступает на путь служения Фениксу, должен быть вежлив, открыт и услужлив не только со старшими, но и с равными себе. Помогай каждому, кому потребуются твоя помощь, будь честен и благочестив.

Из Наставлений Святого Антония.

Экера мне удалось найти только ближе к вечеру. Все документы, книги, письма и даже записки для слуг аккуратно упаковали и перевезли в архив капитула, выделив целое помещение, словно дорогому гостю. Несомненно, по окончанию расследования все эти богатства ожидает беспристрастное пламя костра, кроме наиболее ценных экземпляров, само собой, которые навечно поселятся в огромном хранилище знаний, выстроенном орденом. Я до сих пор маялся догадками по поводу того, с чего бы это вдруг слуги Антартеза решили прибрать к своим рукам весь ход этого, без всякого сомнения, едва ли не международного происшествия, и разгадка, казалось, была совсем близко. Осталось только протянуть руку и схватить благочестивого брата Экера за ворот.

– Здравствуй, брат Маркус, я так рад твоему появлению! – в своей обычной манере обратился он ко мне.

– Трифон всё-таки довел до тебя своё указание? – скорее утвердительно ответил я.

– Более того, велел отчитываться за каждый наш шаг. Сказал, что будет держать дело на личном контроле и, как же он выразился...

– Не потерпит ненужной инициативы?

– Кажется, так. Но откуда ты знаешь?

– Именно это он и сказал в наш последний разговор с ним. Скажи мне, брат Экер, вокруг чего же вся эта суеда? Прежде, чем мы приступим к делу, я бы хотел узнать обо всём подробнее.

Неосознанно я будто бы начал подстраиваться под манеру разговора моего собеседника, пытаюсь завоевать его расположение. Как я уже говорил, общаться с ним дольше нескольких минут – сушая пытка, но сегодня придется потратить на этот разговор куда больше времени, что не могло не напрягать меня.

– Строго говоря, к делу я уже приступил. Позволь сразу предупредить тебя: нашей эта работа станет тогда, когда мы в равной мере вложим в нее свои силы. Я не люблю, когда кто-то пытается присвоить мои достижения и когда люди желают добиться чего-то, не прилагая усилий.

Нравоучений было не избежать, в том был весь брат Экер, преданный не только Книге, но и всему морально-нравственному кодексу ордена. Не скажу, что его требования были так уж бесосновательны и несправедливы. Скорее, наоборот. Но я чувствовал в своих руках конец той самой нити, которая в конечном счете приведет меня к чему-то несравненно более важному, чем разгребание пыльных фолиантов. И потому слова Экера не вызвали у меня тогда ничего, кроме раздражения.

– У меня и в мыслях не было ничего подобного, – дружелюбно улыбнувшись, я доверительно положил свои руки на плечи Экера и заглянул тому в глаза, – не будь у меня желания поскорее приступить к работе, я бы не потратил три часа на твои поиски. Мне нужно было закончить кое-какие дела, и теперь я готов отдаться поставленной нам задаче целиком и полностью.

– Правда? – как-то по-детски доверчиво осведомился Экер.

– Само собой.

– Тогда приступим немедленно. Времени до захода солнца еще очень много...

– Подожди, брат Экер. Я же не могу приступить к работе, не зная даже, что это за дело, в которое орден решил сунуть свой нос. Зачем к расследованию допустили дознавателей? Какие доказательства были найдены на месте убийства. Мне просто необходимо знать всё это.

– Того я не ведаю, брат Маркус.

– То есть как?

По его виду было понятно, что он не врет. Да и не умел никогда, поскольку даже тень неправды так явственно проступала на его лице, что не заметить ее мог только слепой. Когда Экер лгал, он походил на бездарного актера, пытающегося сыграть самую первую в своей жизни роль, и выглядело это очень забавно. Лгал он в основном тогда, когда Трифон начинал отрабатывать на несчастном парне свои издевки, чего не мог себе позволить ни один другой человек, поскольку родня Экера, хоть и не принадлежала к Сотне, ничуть не уступала ей богатством и властью.

– Брат Трифон дал мне чёткие указания: составить каталог документов и книг убитого, ни больше, ни меньше. «Никакой самодеятельности», ты ведь знаешь...

– Но что мешает нам заглянуть в те самые бумаги? В них наверняка можно найти много полезного и интересного.

– Брат Трифон запретил мне изучать их, там и так работы не на один день.

– Заняться каталогизацией этого дерьма мог любой переписчик, который только-только осилил чтение и письмо. Это ведь унижительно: Трифон просто убрал нас с дороги, заставив заниматься никчемной работой, от которой никакой пользы. Ты разве собрался следовать его приказаниям?

– Да.

Впрочем, я и так знал, каков будет ответ Экера, и потому не слишком удивился его однозначности. Он был мягок, подобен теплomu воску, который может принять любую форму в зависимости от рук, в которые попадет. Он сам затолкал себя в подобные поведенческие рамки, и, вероятнее всего, не осознавал этого. Книга Антаргеса учила смирению, Наставления – смирению еще большему, потому как никому не нужны дерзкие и самовольные послушники, не приученные к полному подчинению приказам иерархов. Вот только подобное поведение подходило скорее сироте, взятому орденом на воспитание, но никак не благородному отпрыску одного из самых богатых купеческих семей города. Но он, как и я, был младшим сыном, лишь шестым. Возможно, кроме одной идеи, вложенной в его голову будто бы самим Антаргесом, в его жизни больше не было ничего. Я представить себе не мог, что можно сделать в данной ситуации, казавшейся безвыходной: Экер донесет на меня при первой же возможности, задумай я увильнуть от свалившейся на нас работы или же начни я копаться в бумагах, пытаюсь найти в них что-нибудь интересное. И хотя мой коллега временами казался невероятно наивным, ума ему было не занимать, так что одурачить его вряд ли бы получилось.

– Ты не думал над тем, почему Трифон не допустил никого из младших дознавателей до этого дела?

Я решил пойти с козырей, на ходу пытаюсь построить теорию, которая в идеале должна будет пробить броню упёртого Экера. На самом деле я понятия не имел, посвящал ли всеми нами любимый начальник Кабинета хоть кого-то из своих подчиненных в тайну смерти Дарбина, поскольку ни с кем из младших дознавателей не общался уже больше месяца. Среди них у меня не было ни друзей, ни приятелей, поэтому смысла в общении с ними я не видел никакого.

– На что ты намекаешь, брат Маркус? – нахмутив брови, спросил Экер, собираясь уйти из моего захвата.

– Посмотри на это.

Я наконец отпустил пытающегося уйти из столь близкого контакта дознавателя и, привычным движением запустив руку за пазуху, вытащил заветный листок с заклинанием, явив его взору отпрянувшего в сторону брата Экера. Опасно было рассказывать о моих изысканиях даже друзьям, этому же фанатику – опасно втройне, но в тот момент иного выбора у меня и не было. Неуверенно протянув свою костлявую руку, Экер взял у меня единственную имеющуюся в моём распоряжении улику, заставив меня внутренне собраться и не пытаться вырвать ее обратно.

– Похоже на какую-то математическую задачку... из тех, какие давал мне мой покойный учитель. Что это?

– Это, брат мой, заклинание, найденное мной на месте преступления, с помощью которого была убита одна из жертв. Дарбин, насколько я знаю, был убит с помощью точно такой же штуки, а его убийца по какой-то причине решил оставить эти бумаги у всех на виду.

– Такие расчеты ведь используют имперские инженеры? – в голосе Экера слышалась изрядная доля сомнения, однако я сумел заинтересовать его.

– Именно. Ты ведь видел, сколько там крови? Несчастный буквально взорвался изнутри, замавав своими внутренностями все стены и потолок. Кто может быть способен на такое, по твоему?

– Но ведь если...

– Если убийца – инженер, показательно уничтоживший ряд важных особ, был ли на то особый приказ самого императора, согласовавшего эти убийства с орденом, или же за этим кроется какой-то заговор? Это ты хотел сказать?

– Я...

– Почему вообще кабинет занимается этим делом, не тайная полиция, не вигилы? Или сам орден замешан в этом деле, прикрывая таким образом свои действия. В том числе от нас,

светских братьев, для которых интересы семьи значат куда больше, чем интересы магистра и которые, в случае чего, могут выступить против него.

Экер выглядел крайне растерянным, сдавшись под напором моих, мягко говоря, ничего не стоящих догадок. Всё это, как говорится, шито белыми нитками, и на основании лишь одной имеющейся в моем распоряжении улики, можно было построить хоть тысячу теорий, каждая из которых при ближайшем рассмотрении рассыплется быстрее, чем кто-нибудь успеет удивиться. Мне удалось ошеломить своего собеседника своими неоднозначными вопросами, но убедить – еще нет.

– Здесь, – я ткнул пальцем в листок, – указаны координаты еще одного места убийства. Вполне вероятно, Трифон уже был там, заполучив в свои руки оригинал, который я по своей глупости ему предоставил, но пока это – единственная имеющаяся у меня зацепка. И потому я должен оказаться там как можно скорее. Ты понимаешь, к чему я клоню?

– Но зачем тебе всё это? – отойдя от привычной манеры обращения, Экер, казалось, попытался пронзить меня своим удивленным взглядом.

– Зачем что?

– Проявлять ненужную инициативу.

– Ты уже начал говорить как старший дознаватель. Но ты уверен, что он – именно тот, кому стоит подражать, если Трифон даже не в состоянии доверить информацию о деле такому преданному и надежному брату ордена, как ты? Наверняка он ни во что не ставит эти твои, такие нужные в нынешние времена, качества, предпочитая заваливать своих подчиненных мелкой и недостойной слуг Антартеса работой в попытке забрать себе все лавры.

– Смирение и отказ от гордыни – качества ничуть не худшие. Я делаю лишь то, что должно, а в остальном пусть решает Антартес.

Я рискнул вступить на скользкую дорожку и, не сделав и двух шагов, свалился в пропасть. Не стоило заводить разговор на эту тему, поскольку, казалось, честолюбия в брате Экере не было вовсе. Он готов был делать всё, что ему прикажут, и ничего не требовать взамен, и потому моё последнее высказывание только отдалило его от меня.

– Предлагаю маленький договор, – в отчаянии пытаюсь удержать внимание Экера, я решил прибегнуть к последнему способу, – я отправлюсь проверить то место, которое указано в свитке, и, если там не будет ничего, что могло бы пролить свет на это дело, вернусь сюда и буду тихо и смиренно заниматься тем, что мне поручил брат Трифон.

Некоторое время Экер разглядывал меня, нервно теребя в руках попавшееся под руку перо, будто осмысливая мои слова. Мне удалось пробудить в этой бездушной машине ордена хоть какой-то интерес: всё-таки он свойственен молодости, до завершения которой у Экера еще было несколько лет. Эта маленькая искорка готова была вот-вот потухнуть, но я вовремя подбросил ей немного пищи, не дав интересу угаснуть.

– Мы ведь ничего не потеряем. А в случае удачи можем обрести очень и очень много. Кто знает, может, сам Антартес разжег во мне это устремление? Прошу тебя как брата: прикрой меня один раз перед Трифоном. Знаю, как сложно это будет, но, если он спросит, выполняю ли я порученную мне работу, ты без зазрения совести можешь ответить «Да, брат Маркус делает всё, что в его силах». И это будет чистой правдой, поскольку моя работа – делать всё для процветания ордена. Мне нужен только один день, большего я не прошу.

Судя по выражению лица брата Экера, в голове его происходила нешуточная борьба между любопытством и сознанием некоего долга перед орденом, согласно которому меня следовало сдать со всеми потрохами. Спустя несколько минут затянувшегося молчания, Экер всё-таки вынес свой вердикт.

– Хорошо, я помогу тебе, брат Маркус. Но не просто так. В ответ ты выполнишь одну мою просьбу.

– Какую же?

– Я еще не придумал. Любую, какую сочту нужной.

В синеве его глаз на мгновение проскочило нечто неприятное, заставившее меня внутренне содрогнуться. Впрочем, наваждение прошло так же внезапно, как и появилось.

– Хорошо, – безо всяких раздумий, ответил я. Такое предложение, исходящее от самого безобидного из всех служителей ордена в тот момент устраивало меня даже чуть больше, чем полностью.

Мы пожали руки и, обсудив еще несколько моментов предстоящего дела, разошлись. Я отправился домой, а Экер, как это у него и заведено, собирался остаться в архиве на весь оставшийся день и еще ночь, дабы не тратить время на «всякую ерунду» вроде дороги от капитула до дома и обратно.

Грева, моего единственного слуги, дома не оказалось. Вполне возможно, опять набрался дешевого вина и пошел в бордель, в который раз залечивать старые боевые раны. Была у него жена, и даже дети вроде как имелись, но старик отчего-то всегда предпочитал спускать жалованье на гетер и выпивку, нежели хоть как-то помогать семье. На меня он всегда смотрел не как на человека, но как на ожившую золотую вазу, принадлежавшую лично Великому маршалу, создание совершенно другого уровня бытия, разговаривать с которым не просто бесполезно, но даже страшно, и уход за которой, тем не менее, внезапно оказался его прямой обязанностью. Когда я о чем-то пытался его спросить, Грев лишь забавно выпучивал глаза и вытягивался по стойке смирно, отвечал глупо и невпопад, зная лишь, что мне нужно во всем угодать. Но понимал это, однако, совершенно по-своему.

Упав на свежестеленную кровать, отдающую слабым ароматом цветущей лаванды, я долго не мог заснуть, в душной тьме рассматривая фрески на потолке, пытаюсь собраться с мыслями и придумать, что же делать дальше. Где-то к полуночи, судя по громкому шарканью и звукам обрушения, появился Грев, но я не обратил на этого никакого внимания, пребывая где-то между сном и реальностью. Фрески надо мной, изображающие сцены человеческого бытия Антаргеса, то оживали, наполняясь светом и звуком, то вновь замирали, теряя форму, и терялись во тьме. В какой-то момент я закрыл глаза и провалился в сон. В следующее мгновение мне в глаза уже бил свет нового дня.

Спустя почти час я уже стоял у Близнецов – двух башен, чьи купола символизировали одноименные спутники Хвилеи, роль которой, в свою очередь, играл большой собор Святого Маркуса, в честь которого я и получил своё имя. Громада его возвышалась, кажется, до самого неба, но строительство было еще весьма и весьма далеко до завершения, и пока что лицезреть можно было лишь строительные леса, закрывающие большую часть фасада.

Хлыст дождался меня в конюшне неподалёку, у ворот так называемого «Первого Рубежа», за которым начинались временные районы, обнесенные лишь насыпным валом и рвом. Столица требовала огромного количества рабочих рук, стекающихся к ней со всех уголков империи и, само собой, для всей прорвы строителей места никогда не хватало, поэтому лачуги и бараки для них заполнили почти всё пространство вдоль реки.

Альвин и Домнин, как и всегда, опаздывали. Я сам не очень-то спешил и прибыл гораздо позже назначенного времени, но эти двое были просто виртуозами в этом нехитром искусстве, и дождался я их лишь спустя час, успев даже немного подремать в тени аллеи, связывающей башни-Близнецы. Прибыли они по отдельности, Альвин – в просторном паланкине, который несли четыре загорелых до черноты раба, Домнин – на своем чистокровном жеребце мелькатской породы, которого любил больше жизни и, я подозревал, даже больше собственных родителей.

– Вы, видно, никуда не торопились, – бросив на друзей раздраженный взгляд, я постарался подняться со своего места как можно более неторопливо.

– Не ворчи, старик, – усмехнулся Домнин.

Альвин же просто пожал плечами и отказался комментировать своё опоздание, хотя по черным мешкам под его глазами и едва заметным морщинкам в уголках рта, странно смотрящихся на таком молодом лице, можно было без труда определить, во сколько юный инженер закончил свои труды и сколько часов отвел себе для сна.

– Дорога только в одну сторону займет часов пять. Обратного придется ехать уже ночью, и еще неизвестно, сколько времени нам придется там провести.

– Скажи честно: тебе просто хочется высказать накопившееся в душе раздражение или ты ждешь какого-то определенного ответа? Да, мы не правы, да, ты – молодец. Теперь по коням и в путь, и будем молиться, чтобы по пути мы не изжарились до хрустящей корочки.

Я лишь молча покачал головой и на этом разговор наш исчерпался. Солнце давило так, что разговаривать не хотелось вовсе, и вскоре тишину раннего утра нарушал только цокот ступающих по брусчатке конских копыт да короткие всхрапывания недовольных животных. Альвин арендовал в той же конюшне, где я оставлял Хлыста, первую попавшуюся лошадь, и мы отправились в путь. Пожалуй, он был единственным, из тех, кого я знал, кто не испытывал к этим благородным животным никакого пиетета, а в его собственности содержалась только старая кобыла по кличке Толстуха, которая была подарена ему любящими родителями на четвертый день рождения единственного сына, и с тех пор не знавшая седла. Домнин же, напротив, содержал столько лошадей, что на них запросто можно было бы посадить целый полк. Отец его, видя в сыне недюжинный талант в том числе к животноводству, передал тому управление огромными конюшнями, где разводили скакунов всевозможных пород, в основном, для нужд армии. О том, как у моего друга хватало времени на огромное хозяйство, военное дело, да еще и на периодические затяжные гулянки, я как-то постеснялся спросить.

Раскинувшиеся за городом виноградники выглядели пустынными миражами, повисшими в дрожащем воздухе. Далеко на западе виднелись тяжелые черные тучи, предвещающие прохладу, и только поэтому я не решился развернуть коня и галопом поскакать обратно под тень спасительных стен города. Природа с трудом выдерживала обрушившуюся на нее жару, и потому среди многочисленных полей непрестанно сновали десятки и сотни рабов, таскавших в тяжелых бадьях воду для полива, поскольку ирригационные каналы, проводившие мелким фермерам воду, давно пересохли.

В пути мы пробыли даже не пять, а все семь часов: до того сложным и изматывающим получилось путешествие под полуденными лучами беспощадного солнца. Несколько раз мы останавливались в придорожных трактирах освежиться, поесть и выпить, коротая время в тени за тихими ничего не значащими разговорами. Посетителей в таких заведениях, не смотря на разгар сезона торговли, почти не было. Изредка встречались одинокие менестрели, корабельники и разношерстный странствующий люд, идущий в Стаферос в поисках заработков, да и то совсем в непривычно малых количествах. И когда дорога наша, кажущаяся бесконечной, наконец вильнула в сторону густого леса, выросшего среди высоких холмов, сложенных из песчаника, мы дружно вздохнули с облегчением.

Форт, а фактически почти полноценный замок, в глубокой древности принадлежавший какому-то крупному феодалу, земли которого поглотила империя, носил громкое название «Гнездо Горного Орла», поскольку находился на самой вершине горного образования, наивысшей точки в этой местности на высоте примерно сто тридцать футов. Место это некогда было весьма и весьма значимым военным узлом в имперской системе обороны, который защищал Старый тракт и торговые потоки, идущие по нему. Зброшено Гнездо было по двум причинам, первая из которых – строительство Нового тракта, более широкого, удобного и короткого, который теперь защищала целая система фортов и сторожевых постов. Торговля через эту холмистую и поросшую непроходимыми лесами местность, которая просто кишела разбойниками, прекратилась, но в крепости еще достаточно долгое время оставался гарнизон из тридцати человек и комендант со своей семьей. Решающим событием для их ухода и консер-

вазии некогда важного опорного пункта стал пересохший колодец. Глубину его, и без того составляющую сто пятьдесят футов, попытались увеличить, но безрезультатно. Завозить воду можно было только из родников, находящихся на довольно приличном расстоянии от крепости, а в случае осады защитники рисковали истратить все запасы в считанные дни. Пятнадцать лет назад Гнездо оказалось покинуто, и никто с тех пор так и не рискнул покуситься на этот некогда крепкий орешек.

– Ворота открыты, – констатировал очевидный факт Домнин, когда мы оказались у подножия скалы.

– За два десятилетия их мог открыть кто угодно. Может, конечно, это и были люди Трифона, но свежих следов по пути сюда я так и не заметил.

Всё время пока мы ехали через лес по заросшему и кое-где разобранному местными жителями тракту, я отчаянно пытался высмотреть хоть какой-то признак присутствия людей, но тщетно. Я не был не то что следопытом, но даже близко не разбирался в деле выслеживания дичи, особенно той, что ходила на двух ногах.

– Тут ты прав, – подтвердил мои слова Домнин, – следы олени, кабаньи, лисьи... да чьи угодно, но ни единого следа от копыт или ног я не заметил. По крайней мере, свежих. Возможно, мы рано радуемся, но мне кажется, нам очень и очень повезло.

– Но раз здесь нет следов, значит, может и не быть того, на кого было направлено обнаруженное мною заклинание. Ты можешь сказать точно, на какую именно точку указывают твои координаты?

Обращенный к Альвину взгляд наткнулся на извиняющуюся улыбку.

– У меня, к сожалению, под рукой не было карты подходящего масштаба, чтобы указать определенное местоположение.

– Всё с тобой понятно, умник, – хохотнул Домнин, однако Альвина его смех, казалось, нисколько не задел.

– Определенная мною точка – это область радиусом в пару-тройку миль, а эта крепость была упомянута лишь из-за того, что больше никаких ориентиров в этой местности нет.

– Так значит, чтобы найти тело, нам придется, в худшем случае, прошерстить всю округу?

– Несомненно, но маловероятно. Сомневаюсь, что кто-то бы стал устраивать показательное убийство посреди леса.

– А в заброшенной крепости? Здесь на несколько миль вокруг нет ни единой охотничьей лачуги, и убитого вообще бы никто не обнаружил ближайшие лет десять, если бы не найденные мной бумажки указаниями.

На это Альвин лишь пожал плечами, а Домнин молча толкнул коня коленями и направился к раскрытым нараспашку воротам. Подняв голову наверх, туда, где на фоне неба выривались зубцы крепостной стены, я почувствовал легкий укол отчаяния. Вполне вероятно, что этот путь привел нас в никуда, и, прочесав Гнездо вдоль и поперек, мы ничего не обнаружим. Наверняка Трифон подойдет к этому делу более серьезно, и его люди станут осматривать всю местность вокруг гораздо более тщательно, чем мы, и, рано или поздно, что-то да обнаружат. Вот только об этой находке мне узнать уже не удастся.

Дорога от ворот круто поднималась вверх, так что пришлось нам спешиться и вести лошадей на поводу. Узкий коридор, прорубленный в скале, после одного витка вывел нас ко вторым воротам, менее массивным, чем первые, также раскрытым нараспашку. Немало запыхавшись, мы все-таки поднялись на самый верх, и перед нами предстала поистине чудесная картина: далеко на севере можно было разглядеть сверкающие купола храмов Стафероса, и едва-едва – водную гладь Алтума, всё прочее пространство во всех направлениях занимали поросшие лесом холмы и торчащие среди лесного ковра одинокие скалы, разрушенные временем.

– Чудесный вид для тех, кто тут обитал, – поделился я своими впечатлениями.

– А для тех, кто смог бы взять эти стены – поистине божественный, – отвечивал Домнин.

Посмотрев немного на открывающиеся с вершины крепости пейзажи и немного передохнув, мы методично начали осматривать все имеющиеся здесь постройки, которых оказалось не так уж и много. Две казармы, большой склад, дом коменданта, пара хозяйственных построек, конюшня и небольшая часовенка. Всё обчищено дочиста, на заколоченных окнах – решетки, на дверях – ржавые от времени замки. Двор завален старой листвой, мусором и птичьим пометом. Здесь Домнин нашел только пару относительно недавних человеческих следов, едва различимых из-за недавней бури, но определенных им как «двух-трехнедельные». Методично осмотрев каждое здание, и, не обнаружив никаких следов присутствия людей, мы остановились у дверей часовни. Стоило сразу же осмотреть именно это место, поскольку более явного знака о том, что здесь что-то не так, было не сыскать и на десять миль вокруг. Мощные, обитые железом створки дверей часовни были заперты снаружи свернутой в знак бесконечности полосой металла толщиной в ладонь. Концы ее будто сплавились между собой, образуя едва заметный шов, так что полоса выглядела как цельный знак, которым мистики обычно обозначали бессмертие Империи или же само время.

– Ничего не понимаю, – подергав за ручку двери, не поддавшейся ни на йоту, я повернулся к друзьям, но на их лицах читались абсолютно те же эмоции.

– А чего тут не понимать? Кто-то выковал эту восьмёрку, притащил ее сюда, приставил к дверям и потом закрепил этими скобами, – осмотрев со всех сторон замок, заявил Домнин.

– Скобы – старые, крепили их очень давно, а вот металл – совсем новый, – не согласился с ним Альвин, – значит, склёпку произвели на месте.

– Тут ты прав. Но это не так важно: сейчас схожу за лошадьми и веревкой, и мы вынесем эту дверь.

Но вынести ничего не получилось. Огромный боевой конь Домнина выбился из сил, пытаясь разогнуть неподатливый металл, не справились и при участии остальных животных, и даже с нашей помощью. Двери были сделаны так, чтобы выдерживать даже осаду, в случае, если враги смогут прорваться за стены, а импровизированный замок начисто лишил возможности войти внутрь без применения осадных орудий или же знаний инженеров. Единственное окошко, имеющееся в этой часовне, находилось под самым куполом, и было убрано решеткой, так что попасть через него внутрь казалось делом ничуть не менее простым. Мы промучались несколько часов, пробуя различные способы решения возникшей проблемы, но тщетно. Мокрые от пота, пыльные с дороги и злые, мы сидели в тени своего врага и молчали, беспомощно наблюдая за ходом небесного светила.

– Я могу попробовать решить эту проблему, – как-то неуверенно выдвинул своё предложение Альвин.

– И сколько на это потребуется времени?

– Часа три, может, четыре.

Домнин, устало почесывая черную как смоль бороду, картинно закатил глаза. В его мироустройстве тем знаниям, с помощью которых инженеры могли воздействовать на окружающий мир, отводилось место рядом с практикуемой колдунами и ведьмами магии, поскольку воспринимались им как «нечестные силы». В силу знаний Домнин никогда не верил, и потому считал и то и другое происками демонических существ, с помощью которых люди могли творить свои злые, или не очень, чары, совершенно игнорируя все законы «честной силы».

Я с тоской посмотрел на заходящее солнце и только устало качнул головой, соглашаясь. Альвин тут же поднялся на ноги и отправился к своей седельной сумке, начав вытаскивать оттуда какие-то одному ему известные приборы, пару листов бумаги и какие-то письменные принадлежности. Мне оставалось только наблюдать за этим и страдать от безделья.

Спустя примерно час, обследовав всю крепость, оказавшейся по своим размерам еще меньше, чем казалась снизу, я прислонился к ненавистным дверям, запечатанным неизвестным мастером, решив отдохнуть в тени. И в следующую секунду услышал звук, с каким ветер проходит в щели в оконных рамах или дверях, тонкий гул на самой грани слышимости. Неожиданно прислушавшись к нему, я выпрямился, и звук этот исчез. Не придав этому никакого значения, я снова откинулся назад. Звук возник снова. Усилив давление спиной, и вслушиваясь в гул ветра, я то усиливал, то ослаблял нажим, от нечего делать будто бы играя мелодию ветра. И, если бы в тот момент я не повернул голову, наслаждаться подобной игрой мог бы до самого захода солнца. Небольшая щель появилась в зазоре между дверью и стеной в том месте, где створка крепилась петлями, когда я в очередной раз изо всех сил привалился к ней.

Ошарашенный открытием, я вскочил на ноги, и несколько раз попробовал толкнуть несчастную дверь. В этот раз щели по бокам увеличились так, что в них можно было просунуть палец. Я собрался с силами, и навалился всем своим весом, упершись ногами в землю и пытаюсь подобрать подходящее плечо силы. Медленно и неохотно щели по бокам начали увеличиваться. Мне приходилось прилагать усилия, от которых пот градом заструился по лицу, щипая глаза и мелкие ссадины. Но результат того стоил: в определенный момент двери, дойдя до точки невозврата, стали проваливаться внутрь и, в конечном счете, с оглушительным шумом обрушились, подняв целое облако пыли. Вход в часовню оказался свободен.

– Это какая-то шутка? – вопрошал меня застывший в немом изумлении Домнин.

Пыль, осевшая на его бороде и загорелом лице, походила на мучную, и выглядел он теперь как мельник, весь день провозившийся в мукохранилище. В считанные мгновения после падения створок рядом со мной оказались оба друга, у которых от внезапного грохота чуть душа из тела не вылетела. Как оказалось, дверные петли были подрезаны, и держались ворота только на небольшом уклоне порога и честном слове и, если бы не чистая случайность, возиться нам с ними пришлось бы еще очень и очень долго.

– Мне кажется, это знак, – опасаясь войти внутрь, я нерешительно оглядел своих спутников, – замок в виде бесконечности, срезанные петли...

– Наконец-то твое увлечение мистикой и конспирологией нашло благодатную почву, – Альвин сделал первый шаг навстречу неизвестному, но, заметив наши колебания, остановился, жестом руки приглашая войти, – пойдём внутрь, пока ты не начал пичкать нас очередной порцией сумасшедших теорий.

– Я с ним согласен, – встал на мою защиту Домнин, – всё это очень и очень странно. Кто знает, что ждет нас внутри?

– Да вы никак струсили? Сейчас я вам покажу, что там нет ничего страшного.

На несколько секунд силуэт Альвина скрылся в царящем внутри часовни мраке. Затем раздался характерный звук, который обычно сопутствует опорожнению человеком желудка. Еще через некоторое время внутренности часовни будто воспламенились и все озарилось мягким подрагивающим светом системы масляных ламп, которые на удивление пробудились после стольких лет забвения.

Открывшаяся картина ужасала, и я, уже было приблизившийся ко входу на достаточное расстояние и потому начавший улавливать исходившие изнутри запахи, тоже не выдержал, и согнулся пополам, извергая из себя остатки обеденной трапезы. Если в доме Дарбина большую часть запахов удалось удалить через открытые окна, а смерть его наступила относительно недавно, и потому смрад разложения не успел так сильно пропитать место убийства, то здесь, в закупоренной на несколько дней часовне, попросту невозможно было находиться.

Альвин выбежал обратно почти сразу же после того, как ему удалось активировать освещение. Выглядел он так, что любого покойника краше в гроб кладут: по бледному лицу струился пот, а глаза, обычно напоминающие колодцы, и вовсе превратились в какие-то черные

провалы. Домнин вопреки своему обычаю не стал подкалывать друга, только отступил на шаг, брезгливо зажимая нос. Несколько минут мы выжидали, пока удушливый запах хоть немного выветрится, перебарывая любопытство, но вскоре не выдержали и, обмотав лица кусками тканей, напихав под них первые попавшиеся под руку наиболее пахучие травы, вошли внутрь.

Кровь была повсюду. На выщербленных камнях пола и стен, с которых перед уходом содрали всю обшивку, на лишенном своих украшений алтаре, на статуях святых, слишком больших, чтобы их можно было забрать с собой, и даже на потолке под куполом, куда почти не достигал свет от масляных ламп. От тела не осталось ничего, даже мизинца: всё оно ровным слоем оказалось размазано по всей часовне. В эпицентре всего этого ужаса осталось идеально круглое пятно, от которого во все стороны расходились кровавые брызги, напоминающими солнечные лучи. Всё это источало поистине убийственный запах, от которого выворачивало наизнанку. Мне едва удалось расслабить сведенные судорогой пальцы, прижимающие импровизированную маску к лицу, Альвин же и вовсе отбросил ее в сторону, вновь согнувшись в приступе рвоты, послужившим для него последней каплей. Развернувшись, он ломаным шагом устремился прочь, оставляя нас с Домнином одних.

– А вот и то, за чем мы сюда пришли, – подойдя к алтарю, я аккуратно взял с него девять сложенных пачкой листов, заляпанных кровавыми брызгами.

– Заклинания?

Я утвердительно кивнул, не отрывая взгляда от мелкой вязи сложнейших вычислений, покрывающих каждый из листов, отчего в глазах при более детальном рассмотрении начинало рябить.

– Антартес всемогущий...

Я посмотрел на застывшего в немом изумлении Домнина и проследил за его взглядом. Высоко, почти под самым потолком и единственного окошка, украшенного витражом с изображением самого Феникса, красовалась огромная надпись, отчего-то незамеченная мною с самого начала. Буквы ее горели каким-то странным неживым огнем, и значения ее я даже поначалу не понял.

– *latebras macula offeret pro benefactis. Manete in silentio, Anna Degan.*

– За благими делами твоими скрывается порок. Пребывай же в тишине... – машинально перевел я произнесенные Домнином слова.

– Кто такая Анна Деган?

На секунду, потребовавшуюся мне на то, чтобы прийти в себя, воцарилось молчание.

– Известный меценат и философ, настоятельница женского монастыря Святого Сикста, выходец из младшей ветви дома Флориев, вдова покойного Милия Дегана, на средства которого, в частности, был построен Малый храм Феникса, – слова эти буквально вылились из меня единой скороговоркой.

– Ты-то откуда знаешь?

– Читал ее сочинения. Очень занятная вещь.

– Пожалуй, именно из-за этого тебя выкинули из военной школы.

– Вообще-то я сам ушел. По настоянию отца.

– Как знаешь. Но вопрос в другом: кому могла не угодить твоя, как ты выразился, святая?

– Мы не можем быть уверены, что это именно она. С какой стати настоятельнице самого крупного монастыря в пределах Стафероса забираться в одиночку в такую даль? Я вроде как ничего не слышал про ее похищение, и это событие наверняка бы стало достоянием общест-венности.

– Но здесь написано именно ее имя, – не согласился Домнин, – стал бы убийца писать чье-то еще? В этом я отчего-то очень сомневаюсь.

– Нужно отдать эти листы Альвину, пусть он определит остальные места.

В последний раз взглянув на надпись, я почувствовал легкое головокружение, внезапно усилившееся в разы. Всё вокруг потемнело, и только буквы горели ослепительным, манящим и лишаящим всяческой воли пламенем. Вокруг не осталось ничего, кроме странных слов на староимперском, заменивших собой солнце. Мне казалось, еще пара мгновений, и я ослепну, но когда сияние стало невозможно терпеть, надпись будто взорвалась, и я увидел неясный облик какого-то существа, невероятно прекрасного и пугающего одновременно. Взгляд его (или ее?) на одно лишь мгновение задержался на мне, но этого хватило, чтобы страшная боль сдавила моё сознание, и бросило во тьму. От этого взгляда я без чувств упал на залитый кровью каменный пол.

Очнулся я в полной темноте, раздираемый чувством жажды. Казалось, я всё-таки ослеп, но стоило мне приподнять налившуюся свинцом голову, как свет далеких звезд немного рассеял сомкнувшуюся было вокруг черноту. Всё тело затекло и слушалось с большим трудом, поэтому первое время я просто лежал, уставившись в залитое бледными огнями небо, пытаюсь понять, где же мне довелось очнуться. Рядом обнаружилась застывшая, будто статуя, фигура сидящего Альвина, резко выделяющаяся на фоне всего окружающего пространства. Непонятно было, спит он таким образом, или несет караул, но мне отчего-то не хотелось своим окриком нарушать тишину окружившей нас ночи.

– Не притворяйся, я же вижу, что ты очнулся, – послышался голос друга.

Черная тень его фигуры распрямилась и закрыла собой половину неба, нависнув надо мной. Только тут я заметил, что за Альвином виднеется едва заметный огонек походного костра, немного рассеивающий царящий здесь мрак. Рядом же обнаружился спящий беспробудным сном Домнин. В голове у меня невольно пронесся вопрос о том, довелось ли и ему испытать на себе это странное воздействие сделанной рукой убийцы надписи. Но вряд ли Альвин смог бы дотащить нас обоих так далеко, даже привязав за ноги к лошадям, поэтому, вероятнее всего столь близкое знакомство с неизвестной магией довелось испытать лишь мне одному. Выпив целый бурдюк свежей и еще холодной воды, я наконец нашел в себе силы для того, чтобы говорить.

– Что случилось?

Слова эти отозвались во мне каким-то странным эхом, прокатившимся по всему телу вибрирующей волной, словно говорил не я, а кто-то чужой, используя для этого мой язык и мои легкие.

– Как что? Ты упал в обморок, в лучших традициях чувствительных девиц, свалившись лицом в эту липкую дрянь и как следует ударившись головой. Неужели ты оказался еще более нежным, чем я? Впрочем, даже Домнин, известный человеколюб, выглядел неважно от всей этой картины...

– Ты видел надпись на стене? – оборвал я его поток мыслей.

– Да. Светилась в темноте, как заколдованная, но достать такую краску крайне тяжело. А потому найти того, кто ее покупал, как мне кажется, не составит труда.

– Это было нечто совсем иное, не краска. В какой-то момент надпись стала светиться так ярко, что мне показалось, будто я ослепну... а затем я увидел чье-то лицо.

Пытаясь восстановить в памяти увиденный образ, я с удивлением наткнулся на глухую стену, ограждавшую эту часть моей памяти. Я помнил, что было нечто ещё. Явившийся мне образ говорил со мной, но вот о чём – так и осталось для меня загадкой.

– Думаю, тебе показалось, – немного помолчав, ответил Альвин, – всё-таки ты впечатлительный как ребенок, и любишь накручивать себе невесть что, опираясь лишь на свои догадки.

– То есть, по-твоему, некто, обладающий знаниями и навыками инженера, который, по всей видимости, убил своими заклинаниями не менее девяти человек в разных уголках империи – это всего лишь мои догадки?

– Сколько можно называть расчёты заклинаниями? – не выдержал Альвин, – мы не маги, а учёные!

– Хватит орать, научное ты светило, – подал голос разбуженный Домнин, – как по мне, всё едино: что твои расчёты, что колдунские заклинания, не велика разница.

– Как по мне, всё едино: что твои мечи, что крестьянская оглобля, – передразнил его Альвин.

Ночью начинающий инженер отчего-то всегда вел себя очень энергично и мог много и подолгу болтать на любые интересующие его темы, становясь совершенно другим человеком, нежели тот, которого можно наблюдать при свете дня.

– Хватит блажить. Мы и так с трудом разминулись с посланцами ордена. Хочешь, чтобы они тебя за десять миль услышали?

– Там были люди Трифона? – удивился я.

Попытавшись подняться, я ощутил лишь всё ту же свинцовую тяжесть, сковавшую занемевшие члены, и в итоге обессилено повалился обратно на землю.

– Я увидел их со стены, когда ушел... в общем, когда отошел подышать свежим воздухом. На дороге я заметил примерно три дюжины всадников в красных плащах, они были еще достаточно далеко, там, где дорога выходит на небольшое открытое пространство между холмами. К тому же, я тут же нырнул под защиту стены, поэтому сомневаюсь, что им удалось меня заметить. Но вот наши следы они наверняка нашли: конский навоз, вывороченные двери, куча кровавых отпечатков ног говорят сами за себя.

– Это уже неважно, – отмахнулся я, – главное, мы ушли от них и унесли с собой все улики. Ты сможешь показать на карте все остальные места, указанные в, хм... расчётах?

– Как только прибудем домой, обязательно этим займусь.

– А я проведу в то время монастырь Святого Сикста. Если с кирой Деган всё в порядке, в моей теории появится невообразимых размеров дыра. Если же настоятельница исчезла, будем копать в том же направлении.

Домнин шумно вздохнул и, отвернувшись, снова начал посапывать, провалившись в сон. Альвин же продолжал тихо болтать, рассказывая о тонкостях построения моделей в целом и о ювелирной работе, проделанной на тех листах, которые нам удалось обнаружить в Гнезде. Похоже, никто из них не связывал моё недомогание с какой-то неизвестной магией, списывая всё на чрезмерную чувствительность моей натуры и повышенную волнительность. Я ощупал шишку, вскочившую на лбу в результате падения, и поморщился от боли. К счастью, обошлось без сотрясения, и этот ушиб – всё, чем мне удалось отделаться после падения с высоты своего роста на каменные плиты пола. Но вот причиной этого падения я видел совсем не переизбыток чувств. Сам не заметив как, я задремал, убаюканный болтовней Альвина. Кажется, этот факт его несколько не огорчил: таким уж он был человеком, необидчивым.

Проснувшись с первыми лучами солнца, я наконец смог оглядеться и обнаружил, что ночевали мы в некоей котловине, обнесенной со всех сторон кустарником и мелкими деревцами. Стало понятно, почему друзья решили развести костер: здесь можно было бы устроить настоящий праздник, с кострами, песнями и плясками, и никто бы его не заметил, не подберись он достаточно близко. Быстро собравшись и позавтракав холодными лепешками с медом, купленными у последнего трактира, мы немедленно пустились в путь. Как оказалось, до столицы оставалось еще часа четыре пути, омраченного, однако же, сгущающимися тучами, которые мы вчера могли лицезреть далеко на севере. Налитые чернотой облака грозили вот-вот излиться на землю бурными потоками, а крепчающий ветер, пока еще жаркий и пыльный, трепал наши одежды, слишком легкие и неприспособленные для борьбы с непогодой.

Мы всё так же молча, как и на пути к Гнезду, гнали лошадей, пытаясь успеть добраться до города раньше, чем наступающая гроза промочит нас до нитки. Но при этом, увлеченные

нехитрым соревнованием с силами природы, совершенно не обращали внимания на всё остальное, за что вскоре и поплатились.

Кавалькада всадников в красных плащах и с золотыми эмблемами Феникса на нагрудном панцире была обнаружена нами только когда сквозь завывания ветра стал слышен цокот копыт по мощеной поверхности тракта. Те гнали лошадей так, что расстояние между нами стремительно сокращалось, и создавалось ощущение погони, в которой мы неизбежно проигрывали. Прятаться или пытаться оторваться не было никакого смысла, и я почему-то был уверен, что орденцы идут именно по наши души. Когда те приблизились достаточно, я смог рассмотреть отличительные знаки полиции ордена, представлявшей собой фактически полицию ордена, отчего внутренности мои скрутило внезапным приступом страха.

– Эти за нами, – озвучил мои догадки Домнин.

Альвин же только презрительно скривил губы. Я успел насчитать тридцать три преследователя, среди которых подобно павлину среди цесарок выделялся их вероятный предводитель в шлеме с алым плюмажем и на коне альяннской породы с характерным вороным окрасом и белыми кругами вокруг глаз.

– Именем Всевышнего, остановитесь!

В то время как поджилки мои начали понемногу трястись в преддверии грядущего расследования и, вполне возможно, трибунала, Альвин же, казалось, оставался совершенно невозмутимым. Домнин не слишком отставал от него, выразительно взявшись за рукоять меча.

– Ты кто такой, чтобы мне приказывать? – в очередной раз презрительно скривившись, Альвин искоса глянул на того, кто посмел остановить его.

– Аппий Гонорий Ценз, старший декурион стражи капитула, уполномоченный старшим дознавателем Трифоном Димитраксом...

– А знаешь ли ты, кто перед тобой, декурион? – резко оборвал его речь Альвин.

Опешивший от такого внезапного отпора командир застыл на месте, впившись цепким взглядом в нашу троицу.

– Я...

– Да, ты! Перед тобой прямой потомок рода Ваззар, правивших Империей задолго до того, как твои предки-козопасы расплодились и стали добавлять к своей фамилии когномен. Узнаешь это? – Альвин достал из-под туники внушительных размеров золотой амулет в виде простого треугольника, и помахал им в воздухе, давая всем как следует осмотреть его.

Душа моя окончательно провалилась под землю. Мне почему-то стало казаться, будто у Альвина из-за накативших переживаний, стало плохо с головой.

– И мне ты приказываешь остановиться, смерд?

Пунцовое от скачки лицо Аппия, прорезанное сетью тонких шрамов, исказилось от ярости.левой рукой он схватился за меч, но вынимать его из ножен не спешил. Люди его окружили нас плотным кольцом, так что, задумай мы вступить в бой, шансов на успех у нас почти не было.

– У нас есть подозрения в том, что вы, кыры, недавно были в Гнезде Горного Орла, замке к северу отсюда, и вынесли оттуда кое-что, представляющее для ордена огромную ценность. И потому должен предупредить вас...

– Я и мои друзья можем путешествовать где угодно. Еще раз спрашиваю: какое ты имеешь право допрашивать меня и чинить препятствия?

Внимательно оглядывая лица всех, кто нас окружал, я немного успокоился: кажется, никто из них не узнал меня, и ни одного из них мне прежде видеть не доводилось. Аппий же, взбешенный таким с ним обращением, и тем, что все оскорбления в его адрес поступали от какого-то зеленого юнца, яростно терзал поводья, заставляя вороного переступать с ноги на ногу. Признаться, я сам не ожидал от Альвина такого отпора, совершенно неприсущего его характеру, и потому внимательно следил за разворачивающейся баталией. Аппий же никак не

мог решиться отдать приказ своим людям на наш арест, потому как, окажись слова незнакомого ему молодого патриция правдой, проблем ему хватит на всю оставшуюся жизнь.

– Позволено ли мне, кир, будет узнать, – издевательским тоном декурион снова обратился к Альвину, прожигая при этом меня и Домнина своим взглядом, – как зовут ваших спутников? Или, быть может, они настолько знатные, что даже благородный потомок древнего рода почищает за честь быть их глашатаем?

По счастью, я не стал брать с собой ничего, что могло бы скомпрометировать мою родовую принадлежность. Ни одного символа на моей экипировке, ни одного знака, и, само собой, орденское кольцо я тоже оставил дома. Проблема была лишь в том, что Трифон мог запросто узнать меня по описанию, а это сводило на нет все прочие положительные факторы. Так, за отборной руганью, которой Альвин осыпал своего оппонента, время пролетело почти незаметно. Аппий пытался отвечать максимально вежливо, но неизменно наткнулся на непробиваемую стену агрессии и презрения, отчего декурион то краснел, то бледнел и, в конечном счете, я даже не заметил, как, вдруг весь напрягся и начал падать с седла. Буквально через секунду безвольное тело его под звук раската грома рухнуло под ноги собственного коня. Все взгляды на долгие несколько секунд затянувшегося молчания скрестились на теле Аппия, и, если бы не хлынувший дождь, вряд ли бы следующие события вообще бы имели место.

– Взять их! – заорал один из людей Аппия, обнажая меч.

Не успел я опомниться, как окружившие нас всадники уже готовы были броситься на нас, вскинув щиты. Что уж говорить, в стражу капитулов брали лучших из лучших, и потому слаженность их действий была если не идеальна, то близка к ней. Домнин успел обнажить свою спату, отражая брошенный на него аркан, мне же с моими навыками конного боя повезло гораздо меньше, и вскоре я ощутил на своей руке затягивающую петлю, лишившую меня возможности дотянуться до оружия. В следующее мгновение сильный рывок едва не выбил меня из седла, и, если бы не очередной удар Домнина, перерезавшего опутавшую меня веревку, позорного падения было не избежать.

Резко развернув Хлыста, вставшего от такого недружелюбного с ним обращения на дыбы, я бросил все силы на прорыв, вжавшись в седло и обхватив рукой конскую шею. Еще пара арканов тут же бессильно прошлись по моей спине, а я уже судорожно размышлял над тем, как вырваться из окружившего нас кольца. Спас положение Домнин, чей огромный боевой конь, с места перейдя в галоп, буквально опрокинул вставшего на его пути всадника, образовав приличных размеров брешь. Краем глаза отметив, что Альвин также устремился вслед за Домнином, я не стал терять времени даром, уцепившись за Хлыста подобно клещу и направляя его в ту же сторону. Но стражи капитула не была бы стражами, если бы три десятка воинов ее не смогли остановить трех ударившихся в бега юнцов, пусть один из них и был фактически уже полноправным членом касты катафрактариев.

Альвин, чье отношение к выбору лошади на этот раз сыграло с ним злую шутку, попался первым. Арендованная им кляча больше подходила для неспешных прогулок теплым вечером после дождя, нежели для поддержания заданного конем Домнина темпа. Таранный удар щитом вынес Альвина из седла, и тут же почти десяток бойцов принялись методично вязать лежащего ничком инженера. Помышлять о побеге уже не было смысла, и потому я, вновь развернувшись, ринулся в гущу боя, на ходу раздавая удары во все стороны плоской частью меча, пытаясь если не остановить это бессмысленное избиение, то хотя бы отвлечь внимание на себя. Сзади я слышал, злобные крики Домнина, также схватившегося в орденцами, но вскоре и эти звуки для меня померкли. Удар по незащищенной голове едва не лишил меня сознания, и, с трудом справляясь с нахлынувшей волной боли, я в последний раз скрестил клинки с ближайшим ко мне воином, успев даже отразить пару его ударов.

Продержаться хотя бы минуту мне не удалось, да и не имело особого смысла. Вскоре меня придавили щитами, повалили, и принялись связывать, попутно награждая ударами по

ребрам и животу. Дважды меня вырвало и трижды сознание моё ускользало куда-то в темноту, окружающий мир плыл перед глазами и взрывался снопом искр. Вскоре бить меня перестали, а также, судя по звукам, и остальных. Окружающая действительность неумолимо ускользала от меня, но я изо всех сил держался, пытаюсь справиться с накатывающей слабостью и тошнотой. Подобно мешку с репой меня закинули в седло, где я от острой боли в ребрах чуть снова не потерял сознание. Следующей остановкой для меня стала камера в глубоких подвалах капитула в Стаферосе.

Глава 4

Цикута, она же кошачья петрушка, очень коварное и крайне ядовитое растение. Из семян его и корневища можно извлечь масло, которое при попадании в желудок вызывает тошноту, головокружение и колики, затем начинаются судороги, заканчивающиеся, как правило, параличом или смертью. Масло из семян по вкусу и запаху похоже на масло из кантаррского тмина, и потому, добавив его в еду, отравляемый, скорее всего, не почувствует разницы.

Эрих Фитирейх, Флора и фауна срединных земель.

– Я никогда не надеялся, что из младшего моего сына возможно будет вырастить кого-то, кто сможет умножить славу нашей семьи. Но я и подумать не мог, что ты начнешь меня позорить!

Отец как всегда восседал на своем высоком кресле, внешне напоминая трон. Чисто выбритое лицо его, испещренное сетью мелких морщин, на котором заметно выделялись серые, почти сверкающие глаза, было обезображено маской гнева. Вцепившись руками в подлокотники, он уже достаточно долгое время высказывал мне всё, что думает по поводу событий минувших недель.

– Ты – сын Всадника! Твои предки были лучшими воинами императоров со времен становления империи, элитой этого мира, а ты позволил каким-то вшивым клирикам затолкать тебя в пыточные подвалы! Будь в тебе хоть толика истинной крови стаферита, ты бы не облажался, попавшись, как какой-то вор! Вместо здравых действий ты решил устроить цирк, подключив ко всему этому балагану своих скудоумных друзей!

На миг я почувствовал легкий укол совести, но вскоре взял себя в руки, стараясь не слушать все упреки, обращенные в мой адрес.

– На средства, которые я жертвовал в карман этого гнилого старикашки, можно было бы создать хоть десять новых орденов, а он еще позволяет себе наносить мне оскорбления!

Далее следовал монолог, в котором отец поносил и орден и Великого магистра в частности, даже не удостоивая вниманием такую мелкую букашку как кир Трифон, всю суть которого было достаточно сложно передать человеку интеллигентному и образованному.

В тот день, когда нам не посчастливилось столкнуться со стражей капитула, посланной в Гнездо на место убийства, как я предполагал, Анны Деган, всех нас троих, избитых и связанных, доставили в капитул по подозрению не только в похищении важных улик и вмешательству в следственные дела, но еще и по обвинению в колдовстве, касавшейся по большей части Альвина. Целый день и всю ночь мне пришлось провести на гнилой соломе в камере размером три на четыре шага, скорчивший от боли и холода. Я не знал, что случилось с Альвином и Домнином, не знал, как долго мне придется сидеть здесь в ожидании непонятно чего, и уж тем более не знал, что будет дальше. Только на следующий день из какой-то срочной поездки вернулся Трифон, перепуганный поднявшимся шумом и тем, кого же идиоты из стражи капитула поместили за решетку.

Меня споро вытащили на свет божий, помыли, перевязали, накормили и посадили у камина отогреться. Сам старший дознаватель к тому времени опять куда-то отбыл, а ко мне

в гости пожаловал Люций, правая рука моего отца, который и забрал меня в резиденцию Кемман на Храмовых холмах, в которой я в итоге пробыл последние недели, пока, как говорится, суд да дело.

– Если бы этот демонов старик не был бы одной ногой в могиле, я бы спросил с него стократ. А что касается тебя...

Тут отец сделал многозначительную паузу, будто собираясь с мыслями.

– Теперь придется другому человеку заведовать работой кабинета дознавателей. Этот твой Трифон отправился в один из отдаленных капитулов замаливать свои грешки. Расследование, по счастью, установило неправомерность его действий, а дело, которым ему было поручено заниматься, передали в ведение Августина Цикуты.

При этих словах я чуть не лишился дара речи. Моя давняя неприязнь к Трифону, обострившаяся до предела в последнее время, наконец подошла к своему логическому завершению, однако я не испытывал ровным счетом никаких чувств. Ни банального злорадства, ни радости, ни облегчения. Я не сомневался, что сняли его только затем, чтобы задобрить могущественные семейства Стафероса, отпрысков которых посмели обидеть представители ордена, действовавшие по приказу старшего дознавателя. Так или иначе, теперь не только меня и прочих светских служащих кабинета дознавателей не допустят до расследования убийств, но и весь кабинет в целом, дабы, принеся его в жертву высшей цели, отвести всяческие подозрения.

– Ты не понимаешь, – наконец я подал голос, дослушав двухчасовую речь отца до конца, – орден специально не допускал всех, кто не давал клятву Антартесу, до этого дела, опасаясь утечки информации. Эти убийства – дело рук какого-то спятившего инженера и орден отчего-то не хочет, чтобы об этом стало известно...

– Думаешь, мне это неизвестно? Я всегда чувствую, когда клирики начинают суетиться, пытаюсь прикрыть собственное дерьмо, как и в этот раз. И я бы не стал осуждать твои действия, если бы прежде ты известил о них меня, не став действовать наугад и не убедившись в том, что дело это принесет пользу своей семье и лично тебе.

– Но если они что-то скрывают, значит, из этого в самом деле можно извлечь пользу.

– Может быть. Но это не в твоих силах.

В глазах его сквозила такая холодность, что я почувствовал полнейшее опустошение и обреченность.

– Ты еще слишком юн и неопытен, тебя никто не воспринимает всерьез. По большей части из-за того, что ты и в самом деле не представляешь из себя ничего, заслуживающего внимания.

– Но я опередил людей Трифона, достал то, что помогло бы приблизиться к разгадке!

– Ты облажался! Первая же твоя ошибка стала последней, и теперь у тебя не осталось ни единого шанса начать всё с начал. Назревает очередная война с ахвилейцами, и скоро мне придется перебираться в Текрон, куда со мной поедет твоя мать и Фирмос. Виктор останется приглядывать за делами семьи и за тобой в частности.

– Я...

– Но это не означает, что тебе придется сидеть сложа руки. Мне нужно знать, что затевается в ордене, знать всю подноготную этого святого братства, и потому ты, возможно, должен будешь принести клятву Фениксу.

– Но ведь тогда я не смогу действовать в интересах семьи. Давший клятву, навеки остается связанный узами верности ордену и магистрам.

Довольная ухмылка перечертила разгладившееся ненадолго лицо отца. Он задумчиво откинулся на спинку своего кресла и вытянул ноги, как будто давая мне время придумать ответ самому.

– Как давно ты последний раз чувствовал присутствие Антартеса, сын мой?

– Что ты имеешь в виду?

Вопрос этот показался мне совершенно неожиданным, и я даже не нашелся, чем ответить.

– Два десятка лет тому назад он последний раз явил себя в Большом храме Феникса. Говорят, раньше его видели едва ли не каждый год, и каждый раз он творил истинные чудеса. Теперь же, кажется, наш божественный защитник как в бездну канул.

– Ты думаешь, клятва перестала действовать?

– Из проверенных источников мне стало известно, что большая часть артефактов, сотворенных Антартесом, утратила свои свойства. И у меня есть все основания предполагать, что и слова клятвы теперь – не более чем слова.

– А если нет? Ведь тогда мне придется следовать пути святого братства до самого конца и, более того, принять обет безбрачия.

Но вместо ответа отец только рассмеялся, одарив меня одним из своих не самых приятных взглядов. В нем можно было прочесть всё, начиная с небрежения и заканчивая полнейшим равнодушием, и внутренне я содрогнулся, столкнувшись с таким к себе отношением, успев уже от него немного отвыкнуть на службе в рядах ордена.

– Ты действительно еще слишком глуп, раз веришь в то, о чем говорят святые братья. Ступай и больше не делай глупостей.

С этими словами мне не оставалось ничего иного, кроме как покинуть не слишком гостеприимный отеческий дом. Мать же, как и всегда, умчалась на очередной великосветский прием, и увидеться за всё это время нам довелось лишь раз, да и то мельком. Всем, казалось, нет до меня никакого дела, и, как только шум вокруг произошедшего столкновения на Новом тракте наконец улегся, я окончательно выбыл из поля зрения моей семьи, удовлетворенной какими-то одним им известными предпочтениями, выбитыми из святой братии. Вечером того же дня я всё же смог выйти на связь с Альвином и Домнином, и, когда сумерки уже почти перешли в ночную тьму, мы встретились на террасе любимившейся всем нам «Эвридики».

Большая часть лица Домнина, та, что не скрывалась под бородой, представляла собой не слишком хорошо заживший синяк светло-лилового оттенка. Я сам до сих пор мучился от болей в сломанных ребрах, которых насчиталось аж четыре штуки, но по сравнению с остальными пострадал не так уж и сильно. Альвин же и вовсе более напоминал ожившего мертвеца, чем шестнадцатилетнего юношу, только вступившего в период своего расцвета, поскольку бледное до синевы лицо его в подживающих ссадинах и порезах на любом могло напустить страху. Не знаю, что стало с теми стражами капитула, которые в тот злополучный день пленили нас, но, мне кажется, как минимум, столь почётного звания им уже не носить никогда.

– У этого Аппия, как оказалось, случился удар. Пожалуй, проведи он пару месяцев после него в постели, и снова смог бы исполнять свои обязанности. Если бы не свернул шею при падении.

Слова из Альвина выходили как будто бы с трудом, и губы его при этом едва шевелились. Возможно, сказалось сотрясение, от которого он еще не успел оправиться, а может, и потеря бесценных для него листов с заклинаниями, которые могли бы существенно расширить имеющиеся познания молодого инженера.

– То-то он такой бордовый был, – многозначительно покивал головой Домнин.

Как оказалось, свой амулет Альвин в пылу битвы умудрился потерять, что сильно замедлило процесс определения наших личностей. К счастью, реликвию потом нашли и вернули законному владельцу, но до этого благородному отпрыску семейства Ваззар пришлось полежать точно в таком же каменном мешке, в котором находился и я.

Постепенно разговор наш стал отходить от событий минувших недель, и я решил пожаловаться на своё нынешнее незавидное положение.

– Отец хочет, чтобы я принес клятву, – фраза эта прозвучала в гнетущей тишине стившейся ночи как раскат грома.

– Он что, шутит?

– Боюсь, что нет. У него, по всей видимости, есть какие-то основания полагать, будто клятва эта не сработает. Вопрос в том, есть ли такие же основания у орденовских братьев?

– Клятва не будет действовать только в одном случае. Неужели ты имеешь в виду...

– Отец полагает, будто Антартеc покинул нас.

– Чушь! – кубок Домнина с треском обрушился на столешницу, отчего вино щедро расплескалось во все стороны.

Я никогда не считал Домнина человеком излишне верующим, но, поскольку Антартеc был покровителем всех воинов, тот относился к нему с должным уважением. Не удивительно, что мои слова были встречены таким отпором.

– Успокойся, друг мой. Если бы я был в этом уверен, то несколько бы не переживал насчет неминуемого посвящения. Я бы мог предположить, что отец просто пытается от меня откреститься, но он обычно никогда не выбирает окольные пути.

– Так ты думаешь, с Фениксом что-то не так?

– Кроме слов отца у меня ничего нет. Как бы то ни было, всё, что мы сделали до этого, пошло псу под хвост, а потому, лишившись столь важных улик, придется от всего отказаться.

Лицо Альвина, зловеще располосованное падающим от светильников светом, в этот момент как-то чудно преобразилось. Рука его метнулась к сумке, лежащей рядом, и, пошарив там пару мгновений, извлекла наружу какой-то сверток, при более близком рассмотрении оказавшийся картой. Он будто специально выжидал момент, дабы похвастаться собственным достижением.

– Хоть мне и порядком растрясли мозги, цифры эти я не забуду никогда.

– Так ты нашел остальные места убийств? – в голосе Домнина слышалось неприкрытое восхищение и даже почти щенячий восторг.

Всё-таки внешний вид его порой бывал очень обманчив, и под внешностью взрослого сурового мужа скрывался любопытный и азартный юнец, любитель авантюр и загадок.

Налетевший было порыв ночного ветра едва не вырвал из ослабевших пальцев Альвина его драгоценность, но я вовремя придавил карту своим кубком, не дав ей сбежать.

– Это какая-то шутка? – внимательно рассмотрев карту и поднеся к ней почти вплотную снятый со стены светильник, Домнин будто не поверил собственным глазам.

– Где-то мне уже доводилось слышать этот вопрос, – задумчиво произнес я, попытавшись выдать из себя смешок. Из-за сломанных ребер получилось крайне неестественно, однако никто не обратил на это внимания.

– Сам посмотри, это же демон его разбери что.

Поднеся поближе источник света, я стал разглядывать не слишком подробную, несколько мятую и заскорузлую от частого использования карту. На ней Альвин успел сделать множество разных пометок своим неразборчивым почерком, совершенно сбивающих с толку. В месте, где должен был находиться Стаферос, стояла жирная точка, которую наискосок пересекали две линии, образующие крест.

– Одно убийство – в столице, еще восемь – в окрестностях, на расстоянии не более сорока миль.

– Но зачем ты соединил эти точки? – внимательно присмотревшись к Альвину, я заметил в его глазах какое-то странное возбуждение, какое обычно бывает присуще фанатикам.

Похоже, друг мой основательно проникся идеей этого своеобразного расследования, и это увлекло его настолько, что даже постигшая нас неприятность, в результате которой он едва не остался калекой, стала казаться лишь недоразумением.

– Ты разве не понимаешь? Убийца будто бы ставит крест на империи. Видишь эти точки? Они образуют две прямых линии, соединяющихся в центре, то есть, прямо в Стаферосе.

– Но почему ты решил, будто это именно прямые, а не окружности, например?

– Как почему?

– Что значит, как? С чего вдруг ты решил, будто именно это задумал убийца, кем бы он ни был?

– Мне нужно узнать, что было написано в доме покойного Дарбина, – вместо ответа потребовал от меня Альвин, – тогда я смогу поделиться кое-какими соображениями.

– Ты думаешь, кто-то теперь допустит меня до этого дела? Весь кабинет пришлось отстранить лишь затем, чтобы светские братья и прочие непосвященные не сумели влезть туда, куда не следует. Даже вмешательство великих домов не смогло их напугать достаточно, раз они решились забрать найденные нами бумаги себе.

– Это у них получилось лишь потому, что империя нынче смотрит совершенно в другую сторону, – вмешался Домнин.

– Грядет война. Именно поэтому святые братья отделались официальными извинениями и отставкой ряда причастных к этому делу бюрократов вроде твоего Трифона.

– Принеси клятву, и дело с концом! – не унимался Альвин.

– Ты разве не понимаешь, что после этого мне придется хранить все секреты ордена как свои собственные? Я навечно стану заложником их дурацких обетов и интриг. Это если меня вообще допустят до принесения присяги Антартесу.

– Только если слова ее не утратили своей силы. Тогда ты и в самом деле не сможешь официально вступить в Его воинство.

Я обреченно вздохнул и, отведя взгляд, уставился в наполовину пустой кубок, лёд в котором давно уже растаял, превратив вино в воду. На душе у меня повис тяжкий груз, не дающий вздохнуть полной грудью, который никак не давал собраться с мыслями. Война, если она действительно случится, перевернет все мои планы, поскольку для сражения с ахвилейцами и их союзниками империи придется напрячь все свои силы. А значит, даже если мне удастся найти убийцу, вряд ли кто-то обратит на это особое внимание.

– Я не хочу рисковать. Стоит мне связать себя клятвой с орденом, единственной моей работой заботой до конца жизни станет лишь дело ордена. Предводитель палачей и соглядатаев – разве это достойное призвание для потомка воинов Первой сотни?

– Ты уже заговорил прямо как твой старик Клавдий, – покачал головой Домнин.

– Моему отцу нужны не только уши в ордене, ему необходим если не полный контроль, так хотя бы возможность влиять на внутреннюю жизнь слуг Феникса, и ради этого он готов принести в жертву не только меня.

– Но как ты не понимаешь? Твоё положение более чем выгодное: с одной стороны за тобой будет стоять сила дома Кемман, с другой – возможности главного духовного братства империи!

Я даже не стал отвечать на столь глупое высказывание Альвина, окончательно погрузившись в собственные мысли, осиным роем носившиеся у меня в голове. Никогда прежде не доводилось мне задумываться над тем, насколько велика сила Антартеса и как далеко она может простираться. Он просто был: Защитник, Отец, Феникс. Когда-то обычный человек, сумевший внять словам Творца, получивший крошечную часть его силы и мудрости. Он создал Империю, он оберегал каждого, кто считал себя ее частью и был той силой, которая раз за разом помогала империи возрождаться. Но ни единого слова мне не приходилось прежде слышать о том, бессмертен ли этот Феникс. Отец всегда презрительно относился ко всему, что касалось небесного покровителя государства, и вырастил нас, своих детей лишь в почтении к Творцу, который, по его словам, был единственным истинным богом. Но многие в империи могли бы с ним поспорить, предпочитая более близкого людям Антартеса, поклоняясь именно ему, а не какому-то эфемерному создателю всей обозримой вселенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.